

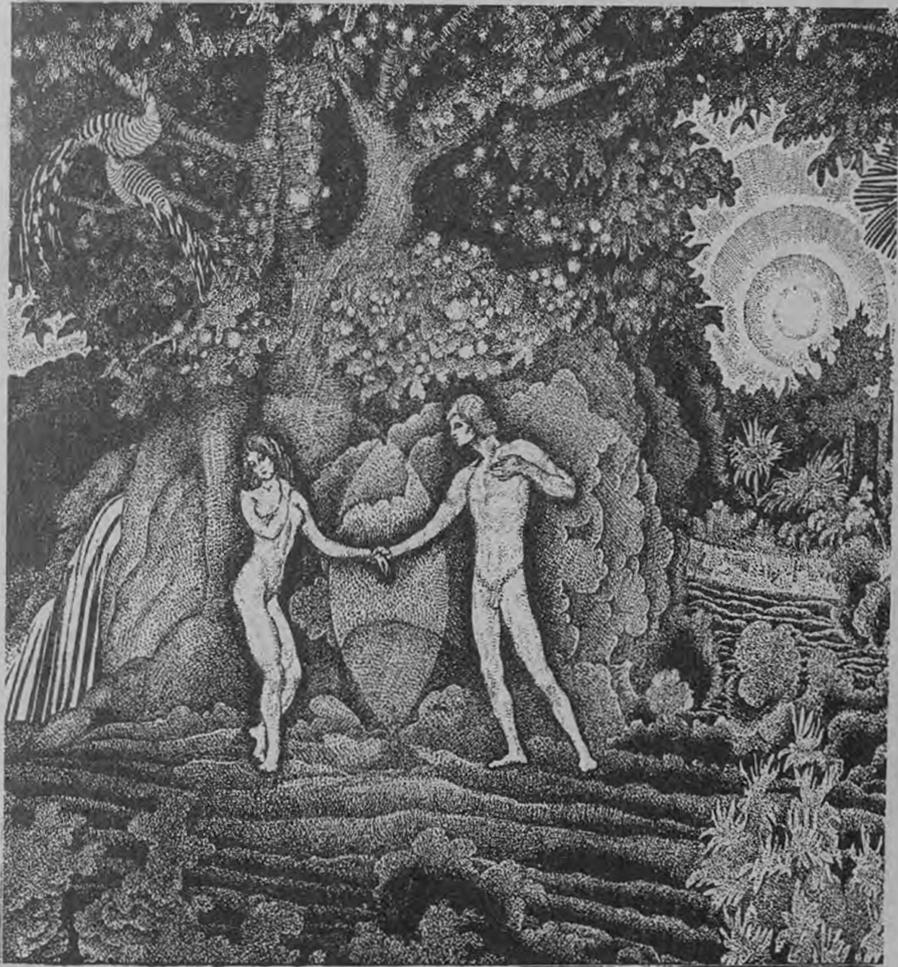
Подъ редакціей Г. Л. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

№ 1

И ЖИЗНЬ

1910

К. Юонъ. Сотвореніе міра.

(Выставка „Союза русскихъ художниковъ“.)

МОСКВА

Пятница, 1-го января 1910 г.

Цѣна отд. № 15 коп.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА ОПЕРА

(театръ Солодовникова).

1-го янв. утр. «Севильскій цырюльникъ»,
веч. «Гугеноты». 2-го янв. утр. «Тра-
віата», веч. «Самсонъ и Далила». 3-го
янв. утр. «Царь-плотникъ», веч. Золотой
пѣтушокъ». 4-го янв. утр. «Майская

ночь», вечер. «Кармень». 5-го января
спектакля нѣтъ. 6-го января утромъ
«Фаустъ», вечеромъ «Аида». 7-го ян-
варя утромъ «Евгеній Онѣгинъ», вечер.
«Золотой пѣтушокъ».

Начало спект. въ 8 ч. вечера. ☉ Билеты продают. съ 10 ч. утра до оконч. спектакля.

Дирекція С. И. Зими́на.

ТЕАТРЪ

„ЭРМИТАЖЪ“

ДИРЕКЦІЯ
М. М. Брянской и Я. В. Щукина.
ОПЕРЕТТА
подъ управ. А. А. Брянскаго.

1-го и 3-го января

„НА ПОЛЮСЪ“.

Новый 4-й актъ „Въ сумасшедшемъ домѣ“. 2-го
января „Разведенная жена“, „Послѣднія новости“.
4-го янв. бенеф. гл. реж. А. А. Брянскаго: „ТАЙНЫ ГАРЕМА“.
Капельмейстеръ ЭНГЕЛЬ. О О Я. В. Щукинъ.

РЕСТОРАНЪ

„ЯРЪ“

ЗИМНЕЕ ПОМѢЩЕНІЕ.

Концерт. отдѣлен.

съ 10¹/₂ ч. веч.

Ежедневно концертное отдѣленіе: Совершенно новыя программы.

Новыя лебоды.

1) Оркестръ подъ упр. г. Жураковскаго. 2) Венгерскій хоръ М-те Ауріели. 3) Гг. Лео и Гарри. Комикл-пародисты. 4) Г-жа Красинская. Русско-Польская пѣвица. 5) Г-жа Вальрозъ. Французская пѣвица. 6) Дези Долли. Вѣнская пѣвица. 7) Капелла Аннамарина. 8) Русскій хоръ А. З. Ивановой. 9) Г-жа Ганзи. Вѣнская пѣвица. 10) Сестры Монте. Танцовщицы. 11) Бархатная маска?? Оперная пѣвица. 12) Г-жа Тина Каренина. Декламаторша. 13) Гг. Скали и Скали. Экцентрики. 14) Массини. Лирическ. пѣвица. 15) Г-жа Сагаріо. Испанск. танцовщица. 16) Квартетъ Лирино. Оперн. пѣвцы. 17) Суси и Проти. Танцы фантазія. 18) Тріо Аузонія. Римскіе гладиаторы.

Режиссеръ ГАРРИ.

КАЗИНО

Тел. 221-73
Б. ДМИТРОВКА,
БЫВШЕЕ ПОМѢЩ.
КУПЕЧЕСКАГО
КЛУБА.

Ежедневно Большіе Концерты - Варьетэ!

Самая изысканная и лучшая программа въ Москвѣ.

„САТАНА и ВЕНЕРА“. Знамен. Анжела Леско (арфа). Неср. Баккара. Крас. сестры Андраши. Фоляи. Лись. Декадансъ. Орла и др. American Bar. Cabaret-concert. Нач. въ 10 ч. веч. Входъ—1 руб. Безпр. увес. до 4 часовъ утра Ужинъ изъ 3-хъ блюдъ 1 р. 50 к.

АВТО-МУЗЫКА — А. БЕРГМАНЪ. —

МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова. Телеф. 49-06.

Музыкально-механическіе аппараты, ПИАНИНО И РОЯЛИ. ■ НОТЫ для всѣхъ механиче-
скихъ аппаратовъ: ФОНОЛЫ, ПИАНОЛЫ и друг. ■ ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ.

АППАРАТЫ для ДОМАШНЯГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ НОТЬ.

Принимаются пианино для устройства въ нихъ механическихъ аппаратовъ.

Главное представительство новыхъ механическихъ пианино „VIRTUOS“.

ВСѢ НОВОСТИ для ЧТЕНІЯ

въ большомъ выборѣ на русскомъ и
иностранн. яз., научныя пособия для уча-
щихся высш. и средн. учебн. завед.

Библиотека „ЗНАНИЕ“

Петровскія линіи. Тел. 249-45.

ПРИ БИБЛИОТЕКѢ имѣется книжн. МАГАЗИНЪ.

Исканія современнаго русск. театра. А. И. Южина. — Источникъ звѣзды. Стих. И. Бунина. — Стражъ искусства. Серг. Матова. — Памяти Ю. И. Блейхмана. Стих. Д. Ратгауза. — Голубая пещера. Стих. Серг. Кречетова. — Искусство и реакція. Л. Д. Теплицкаго. — Бесѣда. С. Я. (Кузнечика-Музыканта). — Другой Анатэма. С. Малюнова. — Москва. — Петербургъ. — Рецензентъ. Пародія въ 1 актѣ. А. М. Пазухина. — Парижскія письма. В. Бицитока. — Что дѣлается въ пров. театрѣ. А. Ардова. — Письма изъ Тифлиса. I. Осипова. — Харьковскія письма. Б. М. — Провинція.

РИСУНКИ и СНИМКИ: Декорація къ „Золотому Пѣтушку“. И. Билибина. — Портретъ Кузмина. К. Сомова. — „Робэнь и Маріонъ“. М. Добужинскаго. — А. П. Павлова. В. Сырова. — А. И. Адашевъ. Шаржъ Andre'a. — „Сатана“ у Корша. Шаржъ О. — Ориг. рисунокъ. М. Добужинскаго къ стих. Ю. Л. Ракинна. — Театръ Корша. Г-жа Ирицка въ „Чудесномъ Талисманѣ“. — Гедвига Рейхтеръ. — Е. Ф. Павленковъ въ „Эльгъ“. — Я. В. Орловъ-Чужбининъ въ „Зимней Сказкѣ“. — А. А. Рейхштадтъ. — Г. Сатинъ.

ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“ СОСТОЯТЪ: А. Ардовъ, Т. Ардовъ, Н. М. Архангельскій, В. Базилевскій, Н. Басъ, С. Бирюковъ, Н. Н. Вашкевичъ, Н. Высотскій, В. Н. Гартевельдъ, Э. Гольденвейзеръ, А. С. Грузинскій, Ю. Денике, Н. Г. Еремѣевъ, В. Е. Ермловъ, Евт. П. Карповъ, I. I. Колышко, А. И. Косоротовъ, В. О. Лебедевъ, Б. О. Лебедевъ (Лондонъ), А. Н. Лепковская, М. О. Ликиардопуло, Lolo, Лозн-гринъ, Як. Львовъ, Г. С. Макриди, С. С. Мамонтовъ (Матовъ), Э. Э. Маттернъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. М. Пазухинъ, И. С. Платонъ, С. О. Плевако, А. А. Плещеевъ, И. И. Поповъ, Ник. Ал. Поповъ, В. В. Протопоповъ, С. Д. Разумовскій, П. А. Сергѣенко, А. А. Смирновъ, Н. Соловьевъ, Л. А. Суллержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, Н. Урванцовъ, В. Хавкинъ, М. Шикъ, И. О. Шмидтъ (Рудинъ), Н. Е. Эфросъ, Сергѣй Яблоновскій, Д. Д. Языковъ; художники: В. П. Дриттенпрейсъ, Н. П. Крымовъ, Н. Сапуновъ, С. Ю. Судейкинъ, Г. Б. Якуловъ, Andre, И. Малютинъ, Д. Мельниковъ, Г. Рабиновичъ и друг.

Москва,

1 января 1910 г.

Исканія современнаго русскаго театра*).

Представьте себѣ ясно то, что мы пережили въ послѣднее десятилѣтіе. Внезапно вспыхнула настоящая потребность общества переоцнить старыя цѣнности. Какъ во всякомъ массовомъ, скажемъ прямо, стадномъ движеніи, всѣ старыя драгоцѣнности и весь старыи хламъ ставятся на одну доску и терпятъ равную участь. Провозглашаются новые тезисы и новыя начала. Бурно и порывисто новое общественное теченіе, не разбирая, что хорошо, что плохо, кидается на все существующее. Этотъ разрушительный какъ гроза взрывъ охватываетъ все большіе и большіе круги съ силой эпидеміи. Затѣмъ эта волна ослабѣваетъ. Въ этихъ смѣнахъ, въ этихъ приливахъ и отливахъ чело-вѣчества заключается вся его исторія, а значитъ, и исторія искусства. Девяносто девять сотыхъ принесеннаго этимъ шкваломъ новаго элемента оказывалось всегда, оказывается и теперь, и не новымъ, и не жизнеспособнымъ, и недолговѣчнымъ, но зато хоть одна сотая непремѣнно являлась, является и теперь дорогимъ вкладомъ въ вѣчное строительство жизни. Изъ этихъ-то драгоцѣнныхъ остатковъ пронесшихся чело-вѣческихъ бурь и накаплиется тотъ элементъ, который вѣками образуетъ вѣчную и несокрушимую скалу, коралловый рифъ, создаваемый изъ миллиарда миллиардовъ отдѣльныхъ частицъ. А эта скала и есть вѣчно растущая, вѣчно развивающаяся красота, въ которой совмѣщаются и высшая правда и высшее благо. И совершенно естественно, что у старой красоты, сложившейся въ несокрушимый коралловый рифъ, находятся искренніе защитники, настолько же убѣжденные и стойкіе, насколько порывисты и непримиримы тѣ, кто старается ее опрокинуть. Но наши чело-вѣческія усилія, выразившіяся въ томъ, что одни хотятъ отстоять, а другіе опрокинуть, въ результатъ служатъ тому же вѣчному закону сохраненія и роста

художественной красоты. И въ будущиxъ поколѣніяхъ точно такъ же одни будутъ нападать, другіе отстаивать, одни—приносить крупицу новыхъ сокровищъ, желая уничтожить всю старую сокровищницу, а другіе—невольнo принимать въ нее новыя цѣнности, желая сохранить только старыя, — словомъ, будущія поколѣнія такъ же будутъ служить вѣчнымъ законамъ сохраненія, образованія и накопленія красоты, какъ безсознательно служили и наше и бывшія до насъ поколѣнія.

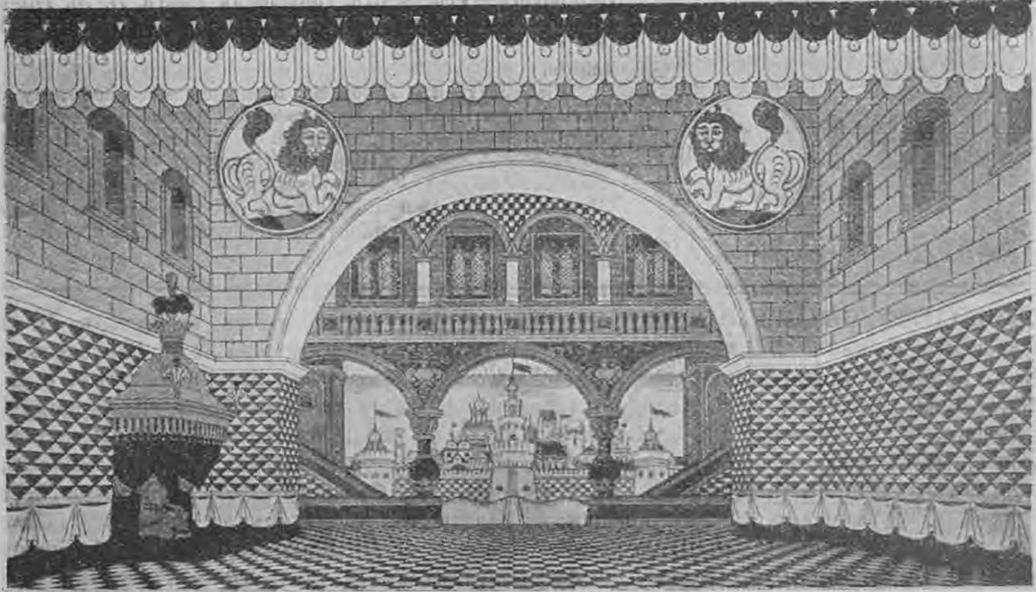
Когда обостряются эти, если можно такъ выразиться, взрывы жизни, искусство отражаетъ ихъ съ чувствительностью сейсмографовъ и непремѣнно утрачиваетъ свойственный ему вѣчный ровный свѣтъ, ту „величавость“, которую требовалъ Пушкинъ для прекраснаго. Его свѣтъ начинаетъ метаться, то вспыхивать, то гаснуть. Какъ огонь смолистаго факела, его огонь стелится по вѣтру, стремится точно въ какомъ-то безуміи оторваться отъ него и, конечно, не можетъ, потому что тогда онъ погаснетъ навѣки. Какъ только вѣтеръ стихнетъ, огонь опять величаво и прямо тянется къ небу, горитъ и свѣтитъ своимъ ровнымъ могучимъ свѣтомъ. И если вы внимательно взглянете въ характеръ этого свѣта послѣ пронесшагося урагана, вы непремѣнно замѣтите, что свѣтъ какъ будто ярче, богаче, сильнѣе, чѣмъ былъ передъ ураганомъ. Это понятно: ураганъ дулъ нагаръ, который наростъ на вѣчномъ факелѣ красоты отъ долгаго покоя и какимъ-то таинственнымъ процессомъ, желая уничтожить прежнее, на самомъ дѣлѣ только прибавилъ новыя элементы горѣнія.

Подъ вліяніемъ этихъ взрывовъ жизни живопись, литература и театръ переживаютъ то же, что переживаетъ этотъ факель. И поды ихъ вліяніемъ театры, мало-мальски серьезные, конечно, дѣлятся на два рода: одни, называемые обыкновенно академическими, стремятся удержать заматавшееся пламя и въ этомъ страстномъ стремленіи отстаиваютъ ни къ чему ненужный и пошлый старый нагаръ вмѣстѣ съ дорогой и неиспользованной еще смолой. Другіе, такъ называемые театры исканій, стремятся оторвать пламя отъ стараго факела, видя въ немъ только одинъ сплошной нагаръ и забывая, что поды этимъ нагаромъ—вѣковой неизсякаемый запасъ накопленныхъ такими же бурями элементовъ яркаго горѣнія.

*) Изъ рѣчи, пронесенной А. И. Южинымъ передъ труппой Малаго театра въ началѣ сезона.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы взглянемъ въ прошедшій

Выставка „Союза русских художников“.

Декорация къ оперѣ „Золотой Пѣтушокъ“.

И. Я. Билибина.

за послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ передъ нашими глазами споръ стараго искусства съ новымъ, мы увидимъ, что въ ослѣпленіи борьбы одни отстаивали то, чего не стоило отстаивать; другіе стремились къ тому, къ чему не стоило стремиться. Развѣ стоило, напримеръ, сберегать тотъ пошлый натурализмъ, ту мелкую и гнусную фотографію, которая выразилась (да и теперь еще выражается преимущественно во французскомъ театрѣ) сотнями и тысячами дрянныхъ пьесъ quasi-жизненныхъ и quasi-реальныхъ? Не касаясь Запада, развѣ не на нашей памяти развилась въ Россіи цѣлая литература въ пьесахъ, гдѣ брали человѣка со стороны его внѣшней бытовой окраски, вынимали изъ него его душу и эти манекены выдавали за реальныя фигуры? Развѣ вѣчный, какъ вѣчна сама природа, великій бытъ, во всемъ своемъ сверкающемъ богатствѣ живыхъ красокъ у Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго и писателей ихъ школы не превратился подъ руками бездарностей и проходимцевъ литературы въ тотъ безцвѣтный и безвкусный матеріалъ, который ежегодно подносился нашему многотерпѣливому обществу не только съ подмостковъ мелкихъ театровъ, но даже съ этихъ дорогихъ намъ подмостковъ? А когда, съ другой стороны, пронесся дикій и бессмысленный вопль: „смерть быту, бытъ умереть, наступаютъ событія“, развѣ слышны были въ этомъ ревѣ голоса, возражавшіе, что „событія“ не могутъ совершиться внѣ людей, времени и пространства и что „бытъ“ не есть только одежда и манера сморкаться, а вся совокупность жизни, выражающейся въ данномъ человѣкѣ, начиная съ формы его сапога и кончая его грезами, вѣрой, мыслью, фантазійей — всей его душой? Нѣтъ. Никто этихъ головъ не слушалъ, да и нельзя было разслышать! И все-таки, какъ это всегда бываетъ во время горячихъ схватокъ, наросты на великомъ тѣлѣ реализма отстаивались нами противъ нашихъ враговъ съ той же силой и упрямствомъ, съ какимъ они безъ разбора били по реалистамъ, смѣшивая ихъ въ одну кучу съ паразитами, облѣпившими ихъ могучія плечи. И мы, со своей стороны, въ ослѣпленіи борьбы, отстаивая нашъ неумирающій принципъ: „красота въ правдѣ“, отстаивали и ту кажущуюся, некрасивую и ненужную, пошлую фотографическую правду, которая вскарабкалась на

великія головы Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго и ихъ вѣрныхъ послѣдователей, и нагло кричала: мы съ Островскимъ бытовики.

А развѣ, съ другой стороны, нужны были кому-нибудь всѣ эти опыты съ балаганчиками, съ цѣлымъ рядомъ фокусныхъ приемовъ такъ называемой стилизаціи въ рѣчи, въ замыслахъ автора, наконецъ въ сценическомъ исполненіи, гдѣ живые люди говорили со сцены какъ петрушки, двигались какъ маріонетки, и, по волѣ авторовъ, самымъ ординарнымъ, самымъ затрепанымъ мыслямъ и чувствамъ придавали особый пряный вкусъ этими шаманскими приемами? Но и мы, съ своей стороны, предвзято и озлобленно относились къ талантливымъ, хотя, правда, очень немногочисленнымъ, представителямъ новыхъ литературныхъ и сценическихъ теченій и сценическую жизненность видѣли въ томъ, чтобы сохранить право играть въ обстановкѣ, гдѣ „диванъ направо, столъ и два кресла налѣво и дверь посрединѣ“? Слишкомъ живо все это, чтобы перечислять подробно всѣ крайности обоихъ теченій, но этого и не нужно, такъ какъ все это у васъ на глазахъ и на памяти. Особенно рельефно выразилась эта борьба въ столкновеніи такъ называемаго стараго и новаго репертуара. Тутъ обѣ стороны дошли до того, что старая схоластика опредѣляла выраженіемъ: „quia absurdum est“ — потому, что это бессмысленно. Здѣсь въ натискѣ и непримиримости новые драматурги учредили невообразимый хаосъ, порвали, казалось, навсегда со старымъ и внезапно въ прошломъ году, вдругъ почти всѣ, — и два-три дѣйствительно цѣнныхъ имени и десятки именъ, вынесенныхъ со дна на поверхность, благодаря пронесшейся бурѣ, но буквально почти всѣ удостоили нашъ старый театръ присылкой своихъ пьесъ. Мнѣ это было очень странно: мы были почти десять лѣтъ подъ бойкотомъ, выражаясь ихъ языкомъ, откуда же такой поворотъ съ Божьей помощью? Что это — „эволюція“ или „реакція“? Этотъ присылъ оказался въ громадномъ большинствѣ непригоднымъ для нашего театра. Это не мой личный взглядъ, а взглядъ, во-первыхъ, 14-ти человѣкъ, состоящихъ въ Совѣтѣ, профессоровъ, писателей, артистовъ и художниковъ, которые и изъ выбраннаго мною многое приняли такъ, что лучше бы не принимали, а во-вто-

рыхъ,— взгляды всѣхъ остальныхъ театровъ, на которыхъ что-то не слышно о постановкѣ тѣхъ пьесъ, которые не попали къ намъ.

Но, господа, и объ этомъ, очевидно, неудачномъ матеріалѣ я вамъ долженъ сказать, что въ немъ больше чувствуется пытливая мысль, попытка художественно проникнуть въ жизнь, въ людскую душу, въ глубину, чѣмъ во многихъ изъ тѣхъ, кого мы отстаивали въ горячей борьбѣ. Чувствуется и то, съ другой стороны, что нарождающийся и формирующийся новый русский драматургъ съ трудомъ, правда, но уже освобождается отъ невыносимаго за послѣднія десять лѣтъ тяготѣнія къ той жизни, уродливой и больной, которую Шекспиръ въ Макбетѣ назвалъ „фиглярномъ, ломающимся на подмосткахъ и черезъ часъ забытымъ всѣми, сказкой въ устахъ глупца, богатой словами и звономъ фразъ, но нишей значеньемъ“. Новый, еще формирующийся драматургъ, если не освободился, то стремится выбиться и изъ-подъ того, что по странному недоразумѣнію еще недавно считалось неоромантизмомъ и что съ настоящимъ, полнымъ высокой правды и благоуханной поэзіи, романтизмомъ Гюго и Шиллера имѣетъ столько же общаго, сколько у Челканина съ Наполеономъ.

Въ новомъ русскомъ драматургѣ самое отрадное то, что онъ опять пристраиваетъ ухомъ къ русской жизни, какъ пристраивали великіе писатели, реалисты и романтики, что теоріи и формулы тѣхъ или другихъ учений и кружковъ, партій и настроеній уже не заглушаютъ вполне живыхъ голосовъ живой жизни. И съ полнымъ безпристрастіемъ я долженъ сказать, что между многими средними писателями мнимо-реалистической школы 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ прошлаго вѣка и писателями перваго десятилѣтія нашего вѣка уже чувствуется нѣкоторая разница въ пользу послѣднихъ: они свободнѣе въ своихъ запросахъ и пытаются зачерпнуть жизнь шире и глубже. Но въ громадномъ большинствѣ это только добросовѣстные попытки, которыя можно читать, но играть и заставлять смотреть, по моему, рѣшительно невозможно, по крайней мѣрѣ въ ихъ настоящемъ видѣ.

Вотъ, господа, общій взглядъ на тотъ русский матеріалъ, который мы призваны обрабатывать.

А. И. Южинъ.

Источникъ звѣзды.

Сирийскій апокрифъ.

Въ ночь рожденія Исы,

Святого, любимаго Богомъ,

Отъ востока къ закату

Звѣзда уводила Волхвовъ.

Въ ночь рожденія Исы

По горнымъ тропамъ и дорогамъ

Шли Волхвы караваномъ

На таинственный зовъ.

Камнемъ крови, рубиномъ

Горѣла звѣзда передъ ними,

Протекала, склонялась —

И стала, служенье свершивъ:

За долиной, на склонъ —

Шатры и огни въ Рефаимъ,

На долинъ — источникъ

Подъ вѣтвями оливъ.

*И волхвы, славословя,
Склонились предъ тѣми огнями
И сказали: „Мы видимъ
Святого селенья огни“.*

*И верблюды припали
Къ холодной водѣ межъ камнями:
Сладъ копытъ и донынъ
Тамъ, гдѣ пили они.*

*А звѣзда покатила
И пала въ источникъ чудесный:
Кто достоинъ — кто видитъ
Въ источникъ темно въ звѣзду?
Только чистыя дѣвы,
Невѣсты съ душой неневѣстной,
Обрученныя Богу,
Но и то — разъ въ году.*

И. В. Бунинъ,

Выставка „Союза русскихъ художниковъ“.

Портретъ М. Кузмина.

К. А. Сомова.

Стражъ искусства.

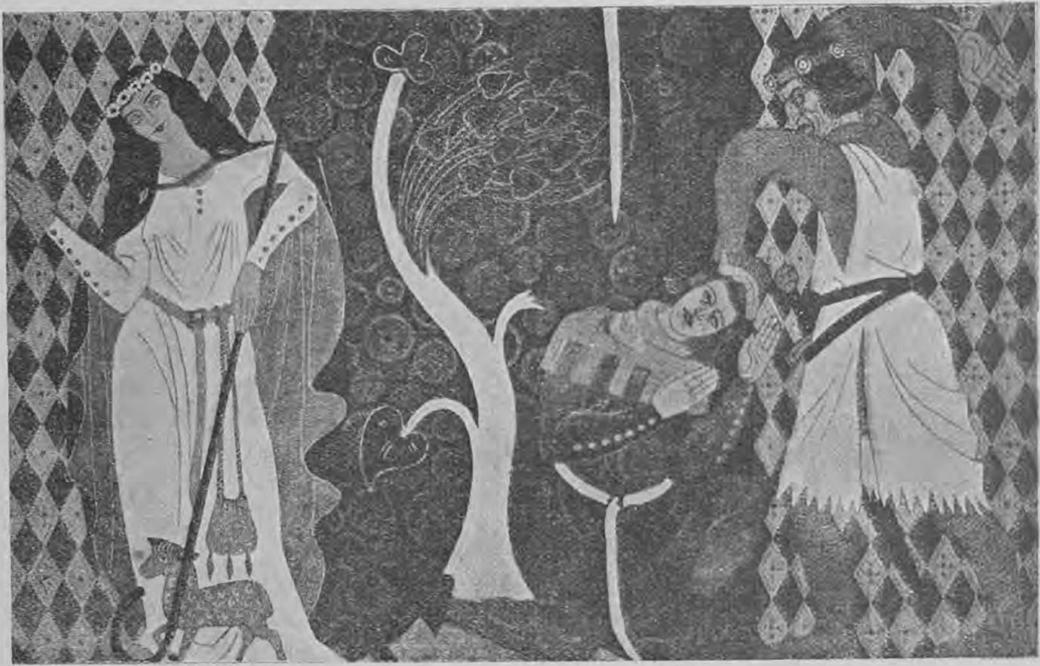
(Изъ недавно открытаго античнаго папируса).

Кесарь съ блестящимъ дворомъ своимъ гостилъ въ Авинахъ.

Пирамъ, играмъ и зрѣлищамъ не было конца; Эллада развернула передъ владыкой міра неисчерпаемая красота своего искусства и суровые квиниты окружавшіе кесаря, вынуждены были признаться въ своемъ искреннемъ изумленіи.

Неронъ, какъ истый другъ прекраснаго, сіялъ подобно солнцу. Однажды послѣ вечерней трапезы, меч-

Выставка „Союза русских художников“.

„Робэнь и Маріонъ“. Эск. для стариннаго театра.

М. В. Добужинскаго.

тательно перебирая золотыя струны кивары, онъ сказалъ приближеннымъ:

— Что можетъ быть выше искусства эллиновъ! Оно смягчаетъ нравы. Кому поручу охранять его, когда настанетъ часъ возвращенія въ Италію?..

И часъ возвращенія пробилъ. Увитая цвѣтами трирема стояла въ Пирейской гавани. Кесарь, лежа подъ пурпуровымъ тентомъ на верхней палубѣ, съ грустью взиралъ на величавый силуэтъ Акрополя, на народныя толпы, унижавшія береговья высоты, и тихо повторялъ:

— Кому поручу оберегать твое искусство, о прекрасная Эллада?!

Тогда Тигеллинъ, преклонивъ колѣни передъ властителемъ, скромно вымолвилъ:

— Склони слухъ свой безъ гнѣва къ словамъ раба, о сребролукій! Искусство Эллады божественно и должно быть вѣчно, ты вѣшалъ это какъ Пивіа. А потому для охраны его я предложу тебѣ такого Цербера, который сумѣетъ сберечь всю чистоту искусства. Онъ не позволитъ мухѣ сѣсть на колѣни Парвенона, растерзаетъ дерзновеннаго, который рѣшился бы коснуться священнаго мрамора статуи Паллады. Подъ его опекой, повторяю вновь, искусство Греціи останется такимъ же великимъ и незыблемымъ, какимъ ты оставяешь его, о кесарь! Клянусь въ томъ поясомъ Афродиты!

Кесарь милостиво взглянулъ на Тигеллина и повелѣлъ назначить указаннаго всесильнымъ префектомъ Тита Фонболія „стражемъ искусства“ въ Элладѣ.

Титъ Фонболій происходилъ изъ племени Тевтоновъ. Въ молодости, будучи еще рабомъ, онъ состоялъ бестіаріемъ при императорскомъ циркѣ и дрессировалъ молосскихъ псовъ, употреблявшихся для звѣриной травли во время народныхъ игрищъ.

Преданностью слѣпымъ усердіемъ и непреклонностью Титъ сумѣлъ заслужить благоволеніе всесильнаго временщика Тигеллина, былъ имъ отпущенъ на свободу и теперь, назначенный „стражемъ искусства“, рьяно взялся за дѣло.

Набравъ три сотни вигиловъ и скрибовъ и поло-

живъ ассигнованныя сокровища въ надежный подвалъ, Фонболій сѣлъ въ одномъ изъ портиковъ Акрополя, зорко слѣдилъ за ввѣреннымъ ему искусствомъ и аккуратно выплачивалъ положенное жалованье своимъ помощникамъ.

А они въ свою очередь ежедневно пересчитывали колонны Парвенона и Пропилей и удостовѣрялись въ цѣлости канефоръ и статуй Эрехтейона.

Да и самъ Фонболій не былъ чуждъ искусства. Онъ научился высѣкать изъ алебаstra небольшія, но весьма схожія статуэтки Тигеллина и охотно приносилъ ихъ въ даръ гимназіямъ, палестрамъ и храмамъ.

Греки съ благодарностью брали приношенія отъ „стража искусства“ и, вѣроятно, заботясь объ ихъ цѣлости, тщательно прятали ихъ отъ глазъ легкомысленнаго аѳинскаго народа.

Такъ все шло бы мирно и благополучно, если бы въ одно ясное весеннее утро, когда на поляхъ цвѣли алыя маки, къ Фонболію не явился юный ваятель Леонидъ и не предложилъ соорудить новую статую Афродиты изъ слоновой кости и золота.

— Я вижу передъ собой дивныя формы богини, — говорилъ онъ. — Ты увидишь, какъ она будетъ прекрасна!

„Стражъ искусства“ повѣрилъ Леониду и, вопреки неудовольствію своихъ вигиловъ, повелѣлъ выдать ему потребное количество драгоцѣннаго матеріала для сооруженія статуи.

Двѣсти тысячъ сестерцій ушло на это дѣло и было выписано въ расходъ неусыпными скрибами.

Фонболій разсуждалъ такъ:

— Молва о красотѣ новаго изваянія достигнетъ Рима, Тигеллинъ узнаетъ, что искусство Греціи живетъ полною жизнью, и наградитъ за усердіе своего преданнаго раба.

Миновало лѣто, налившіеся сокомъ гроздья винограда повисли до самой земли, и Леонидъ съ гордымъ и яснымъ челомъ принесъ „стражу искусства“ плодъ своихъ вдохновеній. Нагая Афродита, выходящая изъ пѣны, была прекрасна какъ утро въ горахъ Гимета. Надъ сладострастно закинутой головкой лучистымъ

Искусство и реакція.

(На выставках картинъ).

I.

Помните ли читатель ярко и сильно написанную книгу Л. Н. Толстого: „Что такое искусство?“

В этой книгѣ великій писатель, говоря о явленіяхъ современнаго искусства, замѣчаетъ: „Такъ что не поймешь, на кого это разчитано. Образованному человѣку это несосно, надоѣло; востоящему рабочему человѣку это совершенно непонятно. Правильно это можетъ, и то едва ли, набравшимся господскаго духа, но не пресыщеннымъ господскими удовольствіями, разращеннымъ мастеровымъ, желающимъ засвидѣтельствовать свою цивилизацію, да молодымъ лакеямъ“.

И далеко не поклонникъ социально-философскихъ и этико-эстетическихъ воззрѣній вашего великаго писателя, но не вспомнить объ этихъ его проникновенныхъ частныхъ замѣчаніяхъ при видѣ того, что творится въ современномъ искусствѣ, нельзя.

И, обойдя пять только что открывшихся выставокъ картинъ, осмотрѣвъ болѣе полутора тысячъ большихъ и маленькихъ полотенъ, принадлежащихъ кисти большихъ и маленькихъ художниковъ, я сталъ въ недоумѣніи и спросилъ: кому это нужно, на кого это разчитано?.. Именно это, а не искусство, не живопись вообще.

Художественный театръ.

А. И. Адашевъ.

Шаржъ Andre'a.

Въ теченіе тридцати лѣтъ слѣдя за нашими художественными выставками, я и теперь, какъ всегда, ходилъ по безчисленнымъ комнатамъ и, созерцая выставленные полотна, въ то же время прислушивался къ тому, что вокругъ говорить, прислушивался къ тѣмъ обычнымъ восклицаніямъ, которыя раздаются на выставкахъ, куда ради этихъ восклицаній, кажется, только и приходятъ.

И вотъ, съ одной стороны, какая-то дамочка, плывя вдоль картинъ, окруженная цѣлымъ хвостомъ „моноклей“ и „пенснэ“, восклицаетъ: „c'est magnifique!.. c'est charmant!..“ Съ другой стороны, какая-то лысая голова, наклоняясь къ грузной дамѣ, тихо баситъ: „es ist prachtvoll, dioses Stück!..“ А тамъ дальше вы слышите по-русски: „это божественно!.. послѣ этого уже нечего больше смотреть!..“ И такъ безъ конца сыплются восклицанія, непрерывно перемежающіяся съ самыми банальными флиртовыми шутками, островами и каламбурами, съ вопросами: гдѣ мы сегодня ужинаемъ? гдѣ мы увидимся? и тому подобно чепухой.

Но если бы вы остановили кого-нибудь изъ этой толпы и спросили: что же вы здѣсь нашли божественнаго, велико-

лѣннаго, что вы здѣсь поняли, что васъ захватило? — то вы, конечно, отвѣта не получили бы, да и не могли бы получить по самой простой и естественной причинѣ: ничего здѣсь нѣтъ, все пусто и мертво, все напыщенно, все надумано, все вымучено, такъ какъ все это не продуктъ чистаго вдохновенія, не продуктъ чистаго художественнаго творчества, а лишь плоды пошлыхъ новыхъ „эффектовъ“, плоды погоня за успѣхомъ у этой самой ничего не понимающей и ничего не ощущающей праздної толпы.

И, вмѣстѣ съ Д. Ж. Ресклянымъ, мы только могли бы сказать этой плещѣ напыщенныхъ художниковъ: отойдите и не заслоняйте отъ насъ природы и жизни, ибо вы ихъ только искажаете, и заглушаете живущее въ насъ внутреннее стремленіе къ познанию истины, къ познанию жизни, къ ощущенію добра и красоты.

Читателю ясно, что я веду рѣчь не только объ антихудожественности нашего современнаго искусства, но еще болѣе объ его безыдейности. То-есть, я касаюсь стараго вѣковаго спора на эту тему.

Было время, когда эстетики, блуждая среди метафизическихъ умствованій, устанавливали законъ самодовлѣющаго искусства. Но, именно, тогда искусство не играло той роли, какую оно играло въ періоды созданія другаго закона: искусство служило идеѣ, отраженію социальныхъ идеаловъ. И если уже Платонъ представлялъ себѣ красоту какъ истину, то Прудонъ опредѣленно высказалъ, что идеаль есть цвѣтокъ, зародышъ котораго таится въ условіяхъ матеріальной жизни, а Прейль говоритъ, что живопись изображаетъ человѣка не его отношеніи къ культурѣ, къ окружающей жизни.

Однако, весь этотъ вопросъ объ идейности и цѣлесообразности въ искусствѣ могъ еще представлять трудности для разрѣшенія до конца XVIII или до начала XIX вѣка, пока социальная дифференціація, въ зависимости отъ производственныхъ отношеній, не стала отмигаться въ тѣ очертанія, которыя теперь уже ясны для каждаго.

И въ то время, когда даже древнее искусство, во времена цезаризма, служило тенденціямъ этого послѣдняго, а въ средніе вѣка оно служило идеямъ католицизма, — послѣ великой французской революціи, послѣ 1789 года, искусство уже обратилось къ служенію интересамъ классовъ.

Такъ, знаменитый французскій художникъ Курбэ, посвятивъ себя изображенію жизни пролетаріата, создалъ цѣлую школу съ этой тенденціей. То же мы видимъ въ серединѣ XIX вѣка, когда по всей Европѣ пронеслась буря освобожденія отъ абсолютизма. То же имѣло мѣсто и у насъ въ Россіи въ концѣ 60-хъ годовъ, послѣ бурнаго движенія, приводшаго къ паденію крѣпостнаго права. Тогда, именно, группа лучшихъ русскихъ художниковъ, какъ Рѣпинъ, Перовъ, Маковский и другіе, рѣшительно порвали съ казенной академической „эстетикой“, съ униженнымъ для гражданскаго достоинства казеннымъ менестратствомъ и основали товарищество „передвижниковъ“, обратившееся къ служенію народнымъ идеаламъ и сослужившее русскому искусству незабвенную, колоссальную службу. Но такіе періоды, по естественному социальному закону, длились недолго, до наступленія реакціи, всегда слѣдующей за всеобщимъ подъемомъ.

Эти реакціонные періоды, когда буржуазія вооружается въ защиту своихъ классовыхъ интересовъ, и дѣйствуютъ тягостно на искусство своего времени, вливаютъ въ него ядъ своей распущенности, привлекая къ себѣ на службу благородную, возвышенную, но неустойчивую интеллигенцію, являющуюся плотью отъ плоти, костью отъ кости этой же буржуазіи. Художникъ, писатель, поэтъ начинаетъ прислушиваться и приглядываться не къ жизни и интересамъ угнетенныхъ классовъ, которые не могутъ оплатить художника и поэта, и уходить къ интересамъ безумствующей, извращенной во вкусахъ и потребностяхъ буржуазіи, и вмѣстѣ съ нею создаютъ ту вакханалію новыхъ „исканій“, которая выливается въ арцыбашевщину и кузминовщину одинаково въ литературѣ, въ живописи и скульптурѣ.

И совершенно вѣрно замѣчаніе Гаддона, что „кѣкковы люди, таково и искусство“, и еще вѣрнѣе замѣчаніе Вандервельде, что „буржуазное меньшинство почти одно образуетъ публику, къ которой приходится обратиться художнику“, ибо, какъ я выше отмѣтилъ, это именно разнузданное, разлагающееся меньшинство, оно только оплачиваетъ искусство, въ то же время всецѣло его порабощая.

II.

Дѣйствительно, обратимся къ тому, что намъ даютъ полторы тысячъ полотенъ, которыя сейчасъ выставлены въ Москвѣ.

Начнемъ съ „передвижниковъ“, — этого могучаго столпа русскаго искусства, изъ года въ годъ все болѣе разваливающагося, безъ проблеска къ другому, лучшему, созидающему творчеству, которое заняло бы мѣсто разрушаемаго бога. Стариковъ-передвижниковъ уже почти не осталось. А тѣ, что остались, не устояли противъ нахлынуващаго распада живой

идей и тоже устремились въ поиски чего-то „новаго“, кому-то, какъ видно, „необходимаго“.

Если здѣсь можно сдѣлать исключеніе, то только въ отношеніи къ И. Е. Рѣпину, который, пройдя цѣлый путь новыхъ исканій, все же остался вѣрнѣе основами своего творчества и далъ два безподобныхъ портрета Менделѣева и Толстого, съ удивительнымъ мастерствомъ отразивши и въ одномъ и въ другомъ внутренній міръ оригиналовъ. И какъ хорошо, какъ кстати эти два портрета поставлены рядомъ. Въ видѣтѣ рядомъ ясный, острый взоръ реалиста-естествоиспытателя, вопрошающаго объ истинѣ у природы, и умѣдшій въ туманную даль измученный мистическій взоръ чловѣка, ждущаго откровенія и страдающаго отъ признанія своего безсилія вайти истину и дать людямъ счастье. Здѣсь, въ этихъ работахъ, написанныхъ свободно, воздушно, съ легкими тѣнями, вы видите стараго могучаго Рѣпина. Что касается другихъ двухъ работъ Рѣпина: портрета-композиціи „Рубинштейнъ дирижеръ“ и „Сожженіе Гоголемъ „Мертвыхъ душъ“, то эти два полотна меня лично не удовлетворяютъ. Если голова Рубинштейна и написана съ обычнымъ мастерствомъ, то въ общемъ картина съ ея декоративной частью не производитъ впечатлѣнія. Свѣтъ люстры не только не естественъ, но яркія свѣтловыя пятна лежатъ какъ-то особнякомъ, не передаваясь ни на всю воздушную массу, ни на сидящую въ отдаленіи толпу. Во второй картинѣ фигура Гоголя, хотя и мастерски написана, но сильно утрирована.

А дальше...

Дальше пусто, мертво. Дальше вы видите у однихъ явное паденіе творчества, какъ, напримѣръ, у В. Маковского, уже не проявляющаго былого юмора и не достигающаго былой экспрессіи въ своихъ „Школьныхъ товарищахъ“. Или у Богданова-Вальскаго, ушедшаго отъ своихъ блѣднлицы, замученныхъ крестьянской нуждой мальчугановъ и обратившагося къ „вѣсѣ“ и солнечнымъ эффектамъ въ женскомъ тѣлѣ, кстати сказать, весьма неудачнымъ.

Дальше вы видите старинное „недоразумѣніе“ передвижниковъ — Водаревскаго, тоже вставившаго „лице“ — голую женщину, въ искусственной надуманной позѣ лежащую на прибрежной скалѣ, написанную безжизненно и, безъ всякаго сомнѣнія, по фотографіи, которая составляетъ истинное „художественное подспорье“ этого художника.

Пейзажи Волкова и Киселева уже давно утратили былыя мягкость, поэтичность и воздушность, которые такъ выгодно отличали ихъ на болѣе раннихъ выставкахъ. А затѣмъ уже идетъ безконечная вереница попытокъ на разные эффекты, давно уже показанные европейскими мастерами и тоже уже ушедшие въ прошлое.

Солнечные эффекты à la Гастовъ-ла-Тушъ, или точно мѣломъ написанные портреты à la американскій художникъ Alexander, или приемы скандинавскаго художника Таулера въ пейзажѣ, — все это уже старо, и, кромѣ того, нашимъ мастерамъ вовсе не удастся. П смѣлые портреты и этюды, напримѣръ, г. Шемякина, ровно ничего не говорятъ ни уму ни сердцу зрителя, какъ ничего не гонорятъ безсодержательныя декадентско-символическія и импрессионистскія попытки Нилуса, Петроничева, Жуковскаго или Туржанскаго.

Странно видѣть и „новые пути“ талантливаго Костанди, который когда-то производилъ неотразимое впечатлѣніе своимъ пониманіемъ природы, своимъ умѣніемъ чувствовать ея дыханіе, ея красоту.

А дальше идутъ все новыя имена и все съ „исканіями“, въ родѣ символическихъ „Властелиновъ горъ“ Высотскаго, „Женщины-рыцари“ Суреньявца, „Настурцій“ Холинина и прочихъ и прочихъ.

И такъ это на выставкѣ въ двѣ съ половиною сотни полотенъ.

Ни въ одномъ штрихѣ, ни въ одномъ мазкѣ никто не откликнулся на цѣлую историческую полосу, только что пережитую страшно, точно ничего и не произошло, точно вся эта идея художниковъ жила или живетъ вѣдь земли и ея дыханія, виѣ общественныхъ массъ и ихъ переживаній. И все отъ того, что та кучка буржуазіи, которая „составляетъ публику“, этого не требуетъ.

Все для нея, для этой пресыщенной кучки, съ которою у интеллигенціи такъ много общаго и съ которою за стѣнами выставки эта „живописующая“ интеллигенція будетъ дѣлать радости жизни въ салонахъ, на російскихъ и европейскихъ курортахъ и виллахъ, гдѣ столько „жизни“, столько „счастья“, столько „наслажденій“!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Д. Теплицкій.

Беседа.

АРТИСТЪ и РЕЦЕНЗЕНТЪ встрѣчаются
на нейтральной почвѣ.

ХОЗЯИНЪ. (Представляя ихъ другъ другу).

Какъ, господа, вы незнакомы?

Вотъ, признаюсь, не ожидалъ!

Вы оба страстию влекомы

Къ искусству, къ сценѣ. Идеаль

У васъ одинъ, одно стремленіе,

Вамъ интересно, безъ сомнѣнья,

Сойтись другъ съ другомъ. Между васъ

Должны рождаться каждый часъ

Вопросы, споры. Вы другъ друга

Должны взаимно поучать...

Театръ Корша. „Сатана“.

Г. Щепановскій—Сатана.

Шаржъ О.

РЕЦЕНЗЕНТЪ.

Для поученій есть печать...

ХОЗЯИНЪ.

Печати велика услуга,

Но все жъ, мнѣ кажется, она

Служить сближенью лишь должна.

Пускай пространно и толково

Вы выражаете свой взглядъ

Въ своихъ статьяхъ,— живое слово

Онъ замѣнятъ вамъ наврядъ;

Печатнымъ словомъ, часто страстнымъ,

Вьдь вы сражаетесь съ безгласнымъ

Противникомъ. А что, какъ онъ,

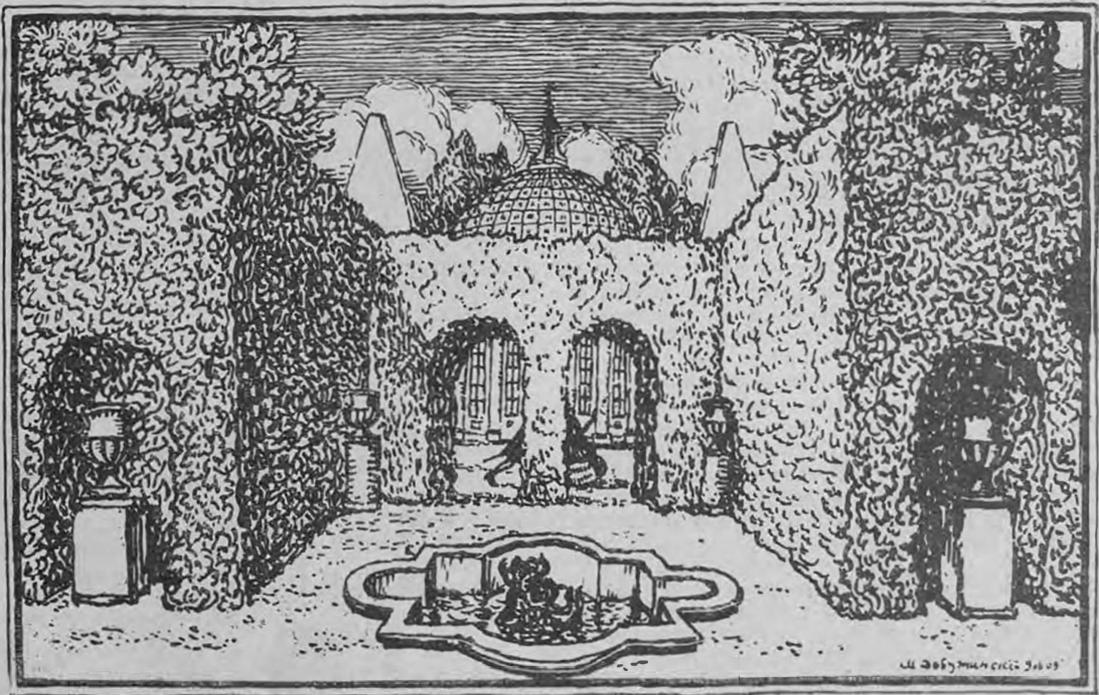
Взглянувъ на тѣхъ съ другихъ сторонъ,

Открылъ въ немъ новыя детали

И могъ бы въ споръ доказать,

Что онъ умѣетъ понимать

Поэта образъ? Вамъ едва-ли,

Оригинальный рисунок М. Добужинского.

Къ стихотворенію Ю. Л. Ракитина „Репримандъ“. (№ 29 „Рампа и Жизнь“).

*Друзья, полезно врозь брести;
Я радъ, что могъ васъ здѣсь свести.*

АРТИСТЪ.

*Я также радъ. Неоднократно
Хотѣлось мнѣ потолковать
По поводу статьи печатной,
Свое воззрѣнье доказать,
Но мысль, что съ критикомъ сближенье
Легко возбудитъ подозрѣнье,
Что смыслъ дадутъ ему иной,—
Меня, какъ крепкою возжкой,
Всегда удерживала.*

РЕЦЕНЗЕНТЬ.

Знаю...

*Я самъ все это испыталъ,
Я такъ же выдержалъ закалъ
И васъ отлично понимаю.
Кто виноватъ—отвѣтъ мудренъ:
Вина съ обѣихъ есть сторонъ.
Я помню—юношею страстнымъ
На кресло критика я сѣлъ;
Восторгомъ чистымъ и прекраснымъ
Мой духъ усиленно горѣлъ;
Артиста яркое искусство
Легко во мнѣ будило чувства,
И часто свѣтлая слеза
Мои туманила глаза.
Тогда искусства отъ актеровъ
Еще не могъ я различать—
Мнѣ къ нимъ хотѣлося бѣжать,
Хотѣлось разъясненій, споровъ;
Бѣлинскій, Лессингъ, Гёте, Тэнъ
Меня совсѣмъ забрали въ плѣнъ,*

*И я проникнулъ за кулисы...
Не для того, чтобъ поучать,
Иль у хорошенькой актрисы
Себя сочувствіе стяжать,—
Нѣтъ, это юности прекрасной
Порывъ былъ пламенный и страстный;
Я разсуждалъ: они и я—
Вѣдь это общая семья,
Мы одному всѣ служимъ дѣлу,
На путь одинъ насъ рокъ толкнулъ—
И руки всѣмъ имъ протянулъ
Я и довърчиво и смѣло,
И что же?—юноши порывъ
Истолковали вкось и вкривь.
Кто глупъ и грубъ—тотъ взятку прямо,
Случалось, „другу“ предлагалъ,
Не разъ наивно и упрямо
Я, какъ Юсифъ, убѣгалъ
Жены Пентефрія; другіе,—
Умный и тоньше,—какъ родные,
Ко мнѣ старались въ дружбу влѣзть
Черезъ лицемѣріе и лесть,
Да иногда артистъ серьезный,
Наученъ опытомъ не разъ,
Держался въ сторонъ отъ насъ.
И... вотъ теперь живемъ мы розно.
Люблю актеровъ я, актрисъ,
Но какъ чумы бѣгу кулисъ.*

АРТИСТЪ.

*Все это очень ненормально,
И между тѣмъ все это такъ.
Но въ этомъ братья театральной
Я не рѣшусь винить никакъ;
Вы сами знаете прекрасно,*

Какою лживой и пристрастной
 Подчасъ является печать;
 Артистъ, обязанный молчать,
 Понятно, льститъ, иль молча злится;
 Еще въ провинціи не такъ,
 Тамъ все же нѣтъ такихъ писаекъ,
 Что критикуютъ насъ въ столицѣ:
 Здѣсь — бутерброды, плутовство,
 Интриги или кумовство.
 Тамъ, разозлившись, безъ стѣсненья
 Артистовъ рецензентъ язвитъ;
 „Она идетъ на пониженье“
 Онъ объ артисткѣ говоритъ
 Бездоказательно и прямо;
 Въдѣ тутъ подчасъ артисту драма:
 Пусть это ложь, но, въдѣ, она
 Россіей цѣлой прочтена;
 Ей очень рады конкуренты,
 Въ нее увѣривалъ простаекъ,
 И клевета такихъ писаекъ
 Невольно вноситъ разложенье
 Въ нашъ міръ. Признаться вы должны —
 Виновны объ стороны.

РЕЦЕНЗЕНТЪ.

Я признаюсь. Я самъ, бывало,
 Строку читая за строкой
 Литературнаго нахала,
 Кипиль отъ злости, самъ не свой:
 И недомолвки и нападки
 Такъ мелки, такъ постыдно гадки,
 Такъ много мутной въ нихъ воды,
 Такое море ерунды,
 Что стыдно дѣлалось за прессу...

Артистъ.

Одинъ, конечно, все снесетъ,
 Другой — вспылитъ и разнесетъ,
 А третій — дастъ ему промессу...

ХОЗЯИНЪ.

Намъ остается пожелать,
 Чтобы артисты и печать
 Скорый очистились отъ яда
 Подобной лжи. Однимъ путемъ
 Рука съ рукой имъ въ жизни надо
 Идти...

Артистъ и рецензентъ.

Когда-нибудь пойдемъ...

С. Я. (Кузнечикъ - Музыкантъ).

Другой Анатэма.

Москва и Петербургъ никогда не сходятся въ своихъ вкусахъ. Тѣ же самыя вещи толкуются въ этихъ городахъ по своему.

Андреевскій „Анатэма“ въ свое время возбудилъ громаднѣйшій интересъ въ обоихъ центрахъ русской жизни. Но истолкованъ онъ былъ по разному.

Мнѣ пришлось быть, какъ разъ на томъ спектаклѣ въ Петербургѣ, когда авторъ въ первый разъ смотрѣлъ свою пьесу, выходилъ на вызовы и опредѣленно высказался въ пользу петербургской постановки пьесы г. Санина.

Дѣйствительно, лично на меня пьеса произвела болѣе цѣльное впечатлѣніе въ Питерѣ, чѣмъ въ Москвѣ.

Въ Москвѣ есть одинъ великій дьяволъ — Качаловъ, съ которымъ спорить не надо и не умно. Онъ вылилъ Анатэму изъ бронзы и передалъ его потомкамъ.

Театръ Корша. „Чудесный талисманъ“.

Жемчужина — г-жа Ирицкая.

Въ Петербургѣ почти нѣтъ Анатэмы, но есть большой Лейзеръ, умѣющій передать свѣтлыя стороны души общечеловѣка, а не комическаго жида, какъ въ Москвѣ. Когда г. Александровскій вспоминаетъ своего маленькаго Моѣшу, слезы невольно подступаютъ къ глазамъ. Вы вмѣстѣ съ старикомъ Лейзеромъ переживаете его тяжелую драму, въ душой чувствуете, какъ ему тяжело и какое это громадное для него горе.

Анатэма — г. Муратовъ могъ бы пожалуй быть до извѣстной степени приличенъ, если бы не козлиная маска, которую на него надѣли. Неподвижное каменное лицо смотритъ на зрителя отъ начала до конца и злой геній понемногу превращается въ цирковаго клоуна. Интонировать роль артистъ старается à la Качаловъ.

Всю постановку и тонъ пьесы г. Санина трактуетъ ближе къ Библии и это толкованіе гораздо удачнѣе, чѣмъ толкованіе В. И. Немировича-Данченко переносающаго зрителя въ вульгарное еврейское предмѣстье.

Г-жа Голубева — Сура пстолковываетъ свою роль, какъ mater dolorosa и это ей удается. Моментами она радуется душу обдуманнми и красивыми положеніямъ.

Слова „радующій людей“ въ Питерѣ запрещено произносить.

Сергій Мамонтовъ.

Москва.

Столетіе со дня основанія Императорскаго московскаго театральнаго училища было отмѣчено торжественной литургіей и молебствіемъ въ церкви училища въ присутствіи управляющаго конторой г. фонъ-Бооль, его помощника Е. М. Обухова, директора училища, управляющаго труппой Малаго театра кн. А. И. Сумбатова, режиссера оперной труппы г. Тютюнника и балета—В. Д. Тихомирова, академика Беселовскаго и многихъ бывшихъ питомцевъ училища. Торжественный актъ предположенъ послѣ 6-го января.

— Въ оперѣ „Золотой пѣтушокъ“ партія Звѣздохета, вмѣсто г. Бонаичча, поручена г. Успенскому.

— Е. В. Гельцеръ получила приглашеніе на рядъ гастролоей въ Лондонъ.

— Балетмейстеръ г. Горскій покидастъ, по слухамъ своей посты. Режиссеромъ балета вмѣсто г. Кондаурова утверждёнъ г. Тихомировъ.

Нью-Йоркъ.

Гедвига Рейхеръ.

Исполнительница главной роли въ пьесѣ изъ жизни русск. революціонеровъ — „Набатъ“.

Для Лондона, куда въ январѣ уѣзжаютъ балетныя артисты г-жа Балдина и г. Козловъ 1-й они готовятъ макеты и эскизы декораций и явятся конкурентами Дягилеву въ Европѣ. Эскизы дѣлаетъ для нихъ художникъ г. Сторожешко и, по словамъ видѣвшихъ, они представляютъ нѣчто очень оригинальное и интересное.

— Съ января уѣзжаетъ въ отпускъ балетмейстеръ Мордкинъ. Балерина Коралли уѣзжаетъ въ отпускъ на весь посты.

— Полная генеральная репетиція „Саламбо“, идущей для бенефиса кордебалета 10-го января, назначена на 8-е января. Саламбо тавцуетъ — Гельцеръ, Тонинъ—Коралли, танецъ со змѣями и левійскій—С. В. Федорова 2. Въ балетѣ много массовыхъ сцень. Билетовъ продано на 4.000 р. Общая же сѣта 5.000 р. Большинство оставшихся мѣсть—дешевыя.

Въ идущей въ Маломъ театрѣ пьесѣ Л. Н. Будищева „Живые-мертвые“ главныя роли играютъ гг. Падаринъ и Садовскій 2-ой.

„Свадьба Фигаро“ идетъ въ Маломъ театрѣ 18-го февраля. До конца сезона пьеса пройдетъ 15 разъ. Роли Фигаро и Сусанны играютъ г. Южинъ и г-жа Лешковская.

— Въ театрѣ Незлобина съ большимъ успѣхомъ идетъ изищная и поэтичная сказка И. Г. Шклера—„У прищессы Дни“

— „Мелкій бѣсъ“, назначенный въ театрѣ Незлобина на 4-го января, переносится по просьбѣ автора на 7-го января. 5-го января авторъ прѣзжаетъ на генеральную репетицію.

— Вопросъ объ арендаторѣ Новаго театра на будущій сезонъ до сихъ поръ не выяснился, такъ какъ Незлобинъ, который имѣетъ по договору съ С. И. Зиминимъ, обусловленному громадной неустойкой, право на снятіе театра еще на сезонъ, при чемъ заявленіе о продленіи договора можетъ быть имъ сдѣлано до конца апрѣли—еще ничего въ этомъ направленіи не предпринялъ. Между тѣмъ, въ виду невыяснившихся намѣреній г. Незлобина относительно будущаго сезона къ Зимину поступаетъ масса заявленій о желаніи снять Новый театръ. Вчера его ностыль представитель группы петербургскихъ капиталистовъ, желающихъ создать въ Москвѣ крупный общедоступный театръ и предложилъ сдать имъ театръ теперь же. Неустойку же Незлобину предложено разсрочить на два года. Зиминъ пока отъ окончательнаго отвѣта воздержался.

— Извѣстный провинціальный антрепренеръ Соболицковъ-Самаринъ обратился къ Незлобину съ предложеніемъ сдать ему на будущій сезонъ Интернаціональный театръ. Отъ снятаго имъ на лѣтній сезонъ Екатеринодара г. Соболицковъ-Самаринъ отказался въ виду неирѣмлемости условій, поставленныхъ ему городомъ, о чемъ и извѣстилъ законтрагованныхъ въ Москвѣ артистовъ.

— Пятаго января прѣзжаетъ новая артистка незлобинскаго театра Е. Н. Рошина-Инсарова и въ тотъ же день состоится сѣтка „Авенсы“.

„Камо-Грядеши“ въ оперѣ Зимина, предполагавшася къ постановкѣ въ концѣ января, въ этомъ сезонѣ вовсе не пойдетъ. Ею предположено открыть будущій сезонъ. Ближайшей послѣ „Гамлета“ новой постановкой будетъ „Мазепа“, а затѣмъ намѣченнаа было къ постановкѣ въ будущемъ сезонѣ „Хованщина“, въ которой партіи распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Эмма — Турчанинова, Марфа — Петрова-Званцева, Андрей — Дамаевъ, Голицынъ—Пикотъ, Досифей — Трубищъ, Шахловитый — Шевелевъ и Бочаровъ (въ очередь), Иванъ Хаванскій — Улухацовъ, Подьячій — Эрнстъ. Дирижируетъ Э. Кунсеръ.

Обѣ оперы идутъ съ новыми декорациями и костюмами. — Въ конторѣ оперы Зимина открылась записъ на абонементъ съ участіемъ Авсельми (4 оперы). Гастролъ состоится на 2-й и 3-й недѣляхъ поста; пойдутъ „Вертеръ“, „Ромео и Джульета“, „Манонъ“ и „Риголетто“.

В. П. Дамаевъ выступилъ въ понедѣльникъ въ „Майской ночи“ въ первый разъ послѣ долгой болѣзни. Публика театра Солодовникова поднесла ему терракотную группу и цвѣточную лиру.

3-го января въ городскомъ работномъ домѣ для утроинго и вечерняго спектакля идетъ: „Царь Θεодоръ Иоанновичъ“ А. Толстого. Роль Θεодора на вечернемъ спектаклѣ исполнить И. Р. Цельцеръ, на утреннемъ — ученикъ его курсовъ г. Гдалевъ; остальные главныя роли распредѣлены между его же учениками: г-жой Ивановой, гг. Блбиковымъ, Климовымъ и Салуновымъ. Для пьесы написаны новыя декорации.

Сгорѣлъ театръ въ Сызрани. Труппа осталась на праздники безъ театра.

† Ю. И. Блейхманъ. Въ Петербургѣ, на 42 году жизни, скончался весьма популярный въ широкой публикѣ композиторъ Юлія Ивановичъ Блейхманъ.

Покойный родился въ Петербургѣ, тамъ же учился (у Соловьева и Римскаго-Корсакова) и тамъ же прошла вся его жизнь.

Творчество покойнаго композитора не оставило особенно замѣтныхъ слѣдовъ на страницахъ исторіи русской музыки. За послѣднее десятилітіе и пѣвцовъ средней руки, а за ними и у такой же публики Блейхманъ былъ наиболее популярнымъ и любимымъ романснымъ композиторомъ.

Крупныя формы творчества трудно давались Блейхману. Къ тому же и отсутствіе оригинальнаго художественнаго облика здѣсь сказывалось особенно рѣзко. Тѣмъ не менѣе Блейхманъ, кромѣ романсовъ и хоровъ (болѣе 100), оставилъ и крупныя по размаху сочиненія. Таковы: двѣ оперы — „Принцесса Грѣза“ и „Свѣточъ христіанства“, симфонія, фортепьянный квинтетъ, скрипичная соната и балетная сюита.

Лирическая опера „Принцесса Грѣза“ шла въ московской казенной сѣтѣ въ 1900 году и пользовалась успѣхомъ.

Петербургъ.

Кіевъ. Театръ Соловцова.

Состоялось первое представленіе „Золотоу Пѣтушка“.

Постановка и исполненіе вполнѣ приличны, въ особен-ности послѣднее.

Во главѣ исполнителей слѣдуетъ поставить оркестръ подъ управленіемъ г. Черепнина, который отнесся къ дѣлу съ любовью и вниманіемъ и произвелъ весьма благоприятное впечатлѣніе. Темпы г. Черепнина толковы, его стремленіе возможно тоньше нюансировать передачу, перѣдко увѣнчивавшееся успѣхомъ, заслуживаетъ одобренія.

Изъ вокальныхъ исполнителей, если никто не оказался большимъ художникомъ, то многіе поправились тѣмъ или другимъ Додонъ—г. Каченовскій обладаетъ несомнѣнно красивымъ и звучнымъ голосомъ, хотя еще не владѣетъ имъ въ совершенствѣ. Сценическій образъ его не ярокъ, но приличенъ.

Звѣздочетъ г. Волгинъ (братъ г. Собниова) не обладаетъ особенно красивымъ голосомъ, но зато достаточно сильно сдѣлалъ свою трудную партію. Цѣлцовъ—кастратовъ XVIII-го столѣтія, такъ подходящихъ къ ней, теперь нѣтъ, а потому болѣе, чѣмъ естественно, что г. Волгину приходилось прибѣгать къ фальцету въ тоноровой партіи, нодымающейся до верхняго мі.

Г-жа Эйхенвальдъ-Донская детонировала меньше, чѣмъ обыкновенно, но заключительное мі ея партіи во 2-мъ актѣ все же оказалось подводнымъ камнемъ, который ей не удалось вполнѣ благополучно миновать.

На мѣстѣ г. Швеца и г-жа Макарова въ роляхъ Полкана и Ализоры.

Декорациі г. Цыгвинцова съ точки зрѣнія художественнаго интереса не представляютъ ничего, но онѣ новы, пестры и ярки.

— Въ половинѣ января вернется изъ-за границы г-жа Черкасская, поющая теперь въ миланскомъ театрѣ „La Scala“.

— Режиссеръ Императорской спб. оперы О. О. Палечекъ, въ апрѣлѣ мѣсяцъ будетъ праздновать 40-лѣтіе своей службы на сценѣ Маринскаго театра.

— Въ дѣтскомъ пріютѣ театральнаго общества была устроена елка.

Вечеромъ въ убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей состоялся большой литературно-музыкальный вечеръ, съ участіемъ артистовъ Императорскихъ театровъ, во главѣ съ М. Г. Савиной.

— Н. Ю. Жуковская только что закончила новую пьесу, которая будетъ поставлена въ текущемъ сезонѣ. Придумавъ два названія, авторъ еще не рѣшилъ, на которомъ остановиться.

„Рецензентъ“,

пародія въ 1 актѣ*)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, провинціальный антрепренеръ. Лѣтъ 40—50, круглый, съ брюлкомъ, глаза щелочками, но воровато-хитрые; обрить по-актерски и иногда играетъ, замѣняя запившаго или сбѣжавшаго актера; съ „маленькими“ горды и надменны до дерзости, съ „большими“ почтительны и ласковы, а со всѣми „начальствомъ“ подлы. Въ просторномъ пиджакѣ съ бархатнымъ жилетомъ, по которому вьется массивная цѣпь со множествомъ огромныхъ жетоновъ и всякихъ „вещественныхъ“ знаковъ цевещественныхъ отношеній.

Анна Андреевна, его жена, комическая старуха по сценѣ, но въ жизни „грандъ-дамъ“, хотя происхожденія темнаго, въ родѣ какъ бы изъ прачекъ.

Марья Антоновна, его дочь, „инженюшка“; хорошенькая, цухленькая, кокетливая настолько, что непремѣнно „сбѣжитъ“ съ какимъ-нибудь „любовникомъ“.

Лука Лукичъ Хлоповъ, благородный отецъ и режиссеръ. Монумен-образевъ, по неподвижности и говоритъ

*) Къ представленію разрѣшено др. цензурою за № 11041.

Е. Ф. Павленковъ въ роли Старженскаго.

(„Эльга“ Гауптмана.)

Фот. Гуджона и Губчевскаго въ Кіевѣ.

хрипло, какъ генералы; видно, что очень глушь, но считастъ себя за весьма умнаго и образованнаго; важенъ со всѣми, но со „старшими“ важность сдѣлается любезностью швейцара изъ дома средней руки. Одѣтъ франтовато-пестро, но уже значительно позасалился и вообще нерышлнвъ.

Аммосъ Федоровичъ Тяпкинъ-Ляпкинъ, трагикъ. Сугубо мрачный и архаическая фигура съ пчесанными волосами и въ костюмѣ не только пошошенномъ, но и странномъ; крахмальнаго бѣлья не признаетъ, а не крахмальное мѣняетъ рѣдко. Голосъ — „отстоявшійся“.

Артемій Филипповичъ Земляника, буфетчикъ. Шельма и плутъ, съ бородкой и „капульцемъ“; одѣтъ чисто, цѣпь золотая и массивная; говоритъ приятнымъ теноркомъ; несомнѣнно, что скоро самъ сдѣлается автрепренеромъ и откроетъ кафе-шантанъ съ большимъ количествомъ отдѣльных кабинетовъ. Цѣну себѣ знаетъ, но пока еще низкопоклоненъ и подлы.

Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, любовникъ и фатъ. Великолѣпн. Актеръ довольно skierвный, но считаетъ себя гениемъ и смотритъ вызывающе, но людей съ палками боится, ибо имѣлъ много всякихъ „неприятностей“. Любимъ страстными купчихами и, кромѣ жалованья отъ антрепренера, получаетъ разныя субсидіи.

Добчинскій, первый комикъ.

Бобчинскій, второй комикъ. Оба комика, какъ всѣ вообще комки, особыхъ иримѣтъ не имѣютъ.

Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, мѣстный рецензентъ. Особа жалкая и голодающая, но въ пенснѣ на широкой лонтѣ и съ длинными волосами; говоритъ получаетъ весьма скудный, но „около театра кормится“; желаетъ выступать со своимъ миѣніемъ, но его никто не слушаетъ, и онъ ограничивается тѣмъ, что произноситъ лишь звукъ, похожій на „э“ и на „и“.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, пріѣзжій. Это — фигура. Онъ очень неглушъ и шельмоватъ, а

иеть лишь тогда, когда „не на дѣлѣ“, на дѣлѣ же трезвъ, толковъ и жуликовать. Въ гостяхъ у актеровъ онъ не жепируется, не подтягивается и держитъ себя какъ дома, но, видя, что его обласкали, не прочь „нажить“. Онъ не знаетъ, что ввелъ своею особою антрепренера и труппу въ заблужденіе и держитъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и „недоразумѣніе“ происходитъ лишь потому, что всѣ напуганы. Это такой „нюансъ“, который надо держать весьма толково и осторожно. Одѣтъ Хлестаковъ фравтомъ дурного тона и, напившись, очень хамовать.

Держиморда, театральныи сторожъ и афишеръ. Немытай фигура изъ театральныхъ гномовъ; говоритъ грубымъ басомъ, лѣниво и медленно.

Комната въ домѣ Сквозникъ-Дмухановскаго.

Мебель разнокалиберная, обстановка иеряшливая. На ряду съ различными домашними вещами, театральные костюмы и множество картоновъ. — При поднятіи занавѣса на сценѣ всѣ персонажи, кромѣ Хлестакова, Добчинскаго, Бобчинскаго и Держиморды. Сидятъ и стоятъ въ живописной группѣ.

Сквозникъ-Дмухановскій. Я пригласилъ васъ, господа, затѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренеирптіное извѣстіе, — къ намъ ѣдетъ ревизоръ...

Всѣ. Ревизоръ...

Сквозн. - Дм. То есть, корреспондентъ и рецензентъ столичныхъ газетъ...

Всѣ. Рецензентъ...

Сквозн. - Дм. Да-съ, да еще и съ секретнымъ предписаніемъ... Это хотя и не ревизоръ въ полномъ значеніи этого слова, но, я полагаю, что это похуже ревизора какъ для меня, провинціального антрепренера, такъ и для васъ, актеровъ моего театра...

Всѣ. Нда-а-а...

Сквозн. - Дм. Нда-съ... Это не то, что нашъ мѣстный рецензентъ Христіавъ Ивановичъ Гибнеръ, который отчасти по строгости мѣстной цензуры, а отчасти по китимымъ отношеніямъ со всѣми нампъ только и ограничивается тѣмъ, что провозноситъ звукъ, похожій на букву „и“ и нѣсколько на букву „э“.

Гибнеръ. И... и... э... э... Но я могу еще говорить и писать слова восторга въ всякаго одобренія...

Кіевъ. Театръ Соловцова.

Я. В. Орловъ-Чужбининъ въ роли Леонта.

(„Зимняя сказка“ Шекспира.)

Фот. Гуджона и Губчевскаго въ Кіевѣ.

Сквозн. - Дм. Ну да, а вѣдь тотъ, столичный-то... Ухъ... Даже жарко стало... Я какъ будто и предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь свились какія-то необыкновенныя газеты, неестественной величины и какого-то необыкновеннаго направленія: на однихъ сторонахъ изданія лѣвая, а на другихъ — правая... Пришли, понюхали и пошли прочь... Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Емыхова... Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель... (Ворочетъ про себя.) ...и увѣдомляю тебя“... А, вотъ: „спису между прочимъ увѣдомить тебя, что къ намъ скоро пріѣдетъ корреспондентъ и рецензентъ столичныхъ газетъ, хотя онъ и представляетъ себя частнымъ лицомъ“... Ну, тутъ пошли дѣла, до насъ не относящіяся „Корниъ потолстѣлъ и театромъ не занимается, Пезлобинъ надувается до Художественнаго“ и т. д. и т. д. Такъ вотъ какое обстоятельство...

Тяпкины - Тяпкины. Я думаю, Антонъ Антоновичъ что здѣсь тонкая и больше политическая причина... Это значитъ вотъ что: октябристы, съ Гучковымъ во главѣ, хотятъ узнать направленіе нашего театра и плюютъ корреспондента съ агитаціонными цѣлями...

Сквозн. - Дм. Эхъ, куда хватили... Да какое же дѣло октябристамъ до нашего театра?..

Тяпкины. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... Октябристы все мотають себя на усъ...

Сквозн. - Дм. Мотають или не мотають, а я васъ, господа, предупредилъ... Ты, Артемій Филипповичъ, обрати вниманіе на буфетъ, такъ какъ столичный корреспондентъ прежде всего захочетъ съ нимъ ознакомишься...

Зомлянника. Это можно-съ... Я, въ случаѣ чего-съ, бутербродовъ новыхъ заготовлю-съ...

Сквозн. - Дм. Да и бутербродовъ и прочаго чего тамъ... Вамъ, Аммосъ Федоровичъ, совѣтую очистить вашу уборную, куда, можетъ, заглянетъ столичный гость... Безобразіе у васъ тамъ... Въ уборной хорошаго столичнаго артиста портреты великихъ артистовъ, бюсты, рисунки, парики, костюмы, а у васъ однѣ только бутылки, полбутылки и „сотки“, казенки“...

Тяпкины. Для вдохновенія... Пью потому, что талантъ, а въ Россіи всѣ таланты пьютъ...

Сквозн. - Дм. Ну, это ужъ вышло изъ моды, батюшка, равно какъ и дикое оранье ваше... Теперь отъ трагика требуютъ, чтобы онъ „настроеніе далъ“, а не оралъ, какъ котъ дравный... Посмотритъ на васъ столичный рецензентъ и отдѣляетъ насъ...

Тяпкины. А вотъ... (Показываетъ кулакъ.) Я рецензентовъ во всѣхъ городахъ російской имперіи билъ.

Сквозн. - Дм. Толкуй вотъ съ вами... Вамъ, конечно, все равно, потому какъ вы человѣкъ особенный — вы и пѣшкомъ можете тысячу верстъ итти, и безъ пащи по нѣскольку сутокъ сидѣть; одну, вотъ, жену въ Харьковѣ бросилъ, другую въ Вологдѣ, та, третья, отъ васъ вчера сбѣжала, а дѣти наши въ каждомъ почти городѣ спичками и подсолнухами торгуютъ, ну, а мы, люди семейные, расчетливые, денегъ нѣтъ, статья въ столичной газетѣ много значить, отъ такой статьи-то нной въ гору вдетъ, славу и депги приобрѣтаетъ, а пной всю жизнь безъ куска хлѣба остается и посмѣшницемъ служить... Нда-съ, вотъ оно что... Вамъ, Лука Лукничъ, какъ режиссеру, особенно надо насчетъ постановки...

Хлоповъ. Старакъсъ...

Сквозн. - Дм. Не перестарались ли ужъ... Вамъ особенно нужно позаботиться насчетъ актеровъ и всего тамъ прочаго... Актеры, конечно, люди ученые, воспитывались въ разныхъ, тамъ, драматическихъ школахъ столичныхъ, въ Московскомъ Художественномъ театрѣ образовывались, но имѣютъ очень странные поступки, неразлучные, натурально, съ подражаніемъ Художественному театру. Одинъ изъ нихъ, наприимѣръ, вотъ этотъ новый, что имѣетъ толстое лицо, не вспомню его фамилію, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на сцену, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ... (Дѣлаетъ гримасу.) Конечно, если онъ провинціалу сдѣлаетъ такую рожу, такъ ничего, — провинціалъ подумаетъ, что такъ въ Художественномъ театрѣ принято; но, вѣдь, столичный-то

рецензевтъ осудятъ, въ карпкатуру его пустить... Вотъ тоже васчетъ тьмы должевъ я вамъ сказать... Вы тьму ва сценѣ и въ театрѣ „по Художественному театру“ дѣлаете, какъ вы говорите, и я противъ этого вичего не имѣю, да и въ освѣщеніи якономія, а Художественному театру, можетъ, и слѣдуетъ подражать, но зачѣмъ же вы даже въ буфетѣ и на подъяздѣ огни тушите... Оно, конечно, Станиславскій великій человекъ, но это ужъ слишкомъ...

Хлоповъ. Какъ хотите, а, подражая Станиславскому, я вичего не пощажу...

(Вбѣгаютъ, запыхавшись, Бобчпнскій и Добчинскій.)

Бобчпнскій. Чрезвычайное происшествіе...

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе...

Всѣ. Что такое, что такое...

Добч. Непредвидѣнное дѣло... Приходимъ въ гости-вицу...

Бобч. Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гости-вицу...

Добч. Э, позвольте, я расскажу...

Бобч. Э, нѣтъ, лучше ужъ я — вы и слога такого не имѣете...

Добч. А вы собьетесь и не припомните всего...

Бобч. Припомню, ей Богу, припомню... Ужъ не мѣшайте, пусть я расскажу, не мѣшайте... Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобы Петръ Ивановичъ не мѣшалъ...

Сквозв.-Д.м. Да, говорите, ради Бога, у меня сердце не на мѣстѣ... Берите стулья и рассказывайте.

(Всѣ усаживаются.)

Бобч. Позвольте, позвольте, я все по порядку... Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ, послѣ того какъ вы пзводили смутиться письмомъ... Да ужъ не мѣшайте, Петръ Ивановичъ, не мѣшайте, дайте мнѣ возможность хоть разъ-то сыграть роль, если ужъ вы по сценѣ всѣ лучшія роли у меня отбиваете... Ну-съ, вышель я и встрѣтилъ вотъ Петра Ивановича...

Добч. Возлѣ кіоска, гдѣ торгуютъ газетами...

Бобч. Возлѣ кіоска, гдѣ торгуютъ газетами... Э, сказалъ я, а вѣтъ ли чего-нибудь въ столпчныхъ газетахъ про того рецензента, который посланъ по городамъ...

Добч. Это я сказала „э“...

Бобч. Ну да, сперва вы сказали „э“, а потомъ я сказала „э“ и купилъ „Новое Время“...

Добч. За гривенникъ, который завилъ у меня...

Бобч. За гривенникъ, который я занялъ у Петра Ивановича... Читая „Новое Время“ мы пошли въ ресторанъ, гдѣ и спросили водки съ закускою...

Добч. Хозяинъ долго не давалъ, потому что мы должны, во я упростили...

Бобч. Хозяинъ не давалъ, но Петръ Ивановичъ упростилъ... Сѣли мы пить водку, какъ вдругъ видимъ молодого человѣка пріятной наружности и великолѣпно одѣтаго, который пьетъ красное вино...

Марья Антоновва. Бюдишь плп брываетъ?

Анна Андреевва. Ужъ натурально брываетъ, если корреспондентъ изъ столицы, — всѣ лучшіе корреспонденты брютеты.

Марья Антоновва. А какой у него носъ?

Сквозв.-Д.м. Ахъ, отстаньте вы, трещотки, но до васъ и не до носу корреспондентскаго... Ну, ву, говорите, Бобчинскій...

Бобч. Пьетъ красное вино, разомъ читаетъ десятка два разныхъ газетъ, записываетъ что-то въ кивижку. Вотъ это онъ рецензентъ, рѣшилъ я...

Добч. Это столпчный рецензентъ, воскликнулъ я...

Бобч. А я сейчасъ же вскочилъ, подошелъ къ нему, представился...

Добч. И я, и я...

Бобч. Представился и пригласилъ его къ вамъ...

Сквозв.-Д.м. Ну, ну...

Всѣ. Ну, ну...

Бобч. И онъ сказалъ, что придетъ, забывъ на мивутку къ исправнику... Тс... Это онъ...

(Всѣ встаютъ. Входитъ Хлестаковъ.)

Окончаніе слѣдуетъ.

А. М. Пазухинъ.

Парижскія письма.

XI.

Про одну знаменитую итальянскую балерву разсказываютъ, что она имѣла слѣдующее своеобразное понятіе о невинности. Поклоннику, ухаживающему за ея младшей сестрой, она сказала: „Я вижу вамъ нравится моя сестра. Если хотите, она можетъ устроить съ вами комбинаціе: у ней еще остаются свободными вторникъ и пятница; остальные дни у нея всѣ заняты; во такъ какъ она дѣвушка вѣщная, то она сама вамъ этого не рѣшается сказать“.

Приблизительно такое же понятіе о цѣломудріи имѣетъ танцовщица Эстрелла — героиня новой пьесы, поставленной въ театрѣ „Водевиль“, „La Maison des danses“.

Пьеса эта передѣлана Козьеромъ и Мюллеромъ изъ имѣвшаго огромный успѣхъ романа Поля Ребу подъ тѣмъ же названіемъ.

Въ первомъ дѣйствіи мы видимъ Эстреллу служанкой въ танцевальномъ домѣ, содержимомъ знаменитой когда-то танцовщицей Томаза и ея сыномъ Рамовомъ. Послѣдній безумно влюбленъ въ Эстреллу. Это — оригинальная дѣвушка, съ тонкой таліей, съ ясными, привлекательными глазами. На всѣ ухаживанія и страстные увѣренія въ любви Эстрелла отвѣчаетъ отказомъ; она хочетъ даже совсемъ уйти изъ дома и остается только, когда Рамовъ обѣщаетъ ей давать уроки танцевъ.

Ея отравная мечта сдѣлаться танцовщицей. Рамовъ беретъ гитару; Эстрелла дѣлаетъ нѣсколько па; въ это время дверь отворяется, и на порогѣ показывается Томаза: она влѣла пзачинья па Эстреллы; она угадала въ ней будущую артистку.

Томаза сама беретъ гитару, сама вачпнаетъ ей давать урокъ танцевъ. Приходятъ сосѣдки — три старыя танцовщицы; каждая показываетъ Эстреллѣ, какъ надо дѣлать па; каждая такъ горячо зашпичаетъ свое мнѣніе, что споръ переходитъ въ ссору, грозящую превратиться въ драку. Вдругъ раздается ударъ грома и молвія; всѣ женщины падаютъ на колѣви и шепчуть „Pater noster“.

Это первый актъ, въ которомъ обрисованы закулисные правы одного изъ безчисленныхъ испанскихъ танцевальныхъ домовъ, полонъ движенія, жизни; дѣйствующія лица очерчены превосходно. Въ пьесѣ пять дѣйствій; и въ остальныхъ четырехъ дѣйствіяхъ развивается страстная, жгучая драма любви между Эстреллою и всѣми тѣми мужчинами, которые безумно въ нее влюблялись и которые становились ея любовниками. Въ первомъ дѣйствіи Эстрелла, какъ знаменитая итальянская балерина, увѣряла Рамона, что она невинна и цѣломудрева; во у нея было четыре любовника: Пешито — танцоръ въ томъ же танцевальномъ домѣ, гдѣ служила Эстрелла; два брата Бенито и Люзито — оба жепатыхъ; и, наконецъ, Эстрелла уступаетъ страсти своего хозяина Рамона и дѣлается его любовницей. Когда обманутые мужчины узнаютъ о томъ, что Эстрелла надувала ихъ, они рѣшаютъ заманить Эстреллу въ западню и убить ее. Эстрелла назначила любовное свиданіе Люзито въ запущенномъ саду при монастырѣ и туда являютя Рамонъ, Пешито и Люзито.

Но Эстрелла не теряетъ духа. Она мужественно встрѣчаетъ своихъ убійцъ и произноситъ очень длинную тираду о томъ, что назначеніе женщины доставлять удовольствіе; ея любовь похожа ва танецъ, она даритъ одному нѣсколько счастливыхъ мгновеній и, измѣняя па, переходитъ къ другому. Эстрелла ловко проскальзываетъ въ стѣнную брешь и убѣгаетъ къ Попилло. Рамонъ хочетъ броситься за нею, чтобы убить ее, во Люзито останавливаетъ его; происходитъ борьба, блестяще княжалы, и Рамонъ падаетъ мертвымъ.

Такова пьеса.

Большія достоинства ея въ той жгучей страстной атмосферѣ, среди которой разыгрывается драма, а также въ превосходномъ изображеніи среды: хозяйка танцевальнаго дома, артисты, публика, рыбаки, Пешито и Люзито — все это очерчено превосходно, мастерской рукою. Здѣсь авторы, впрочемъ, нашли неоцѣнимаго сотрудника въ лицѣ директора театра „Водевиль“ Пореля, съ постановками котораго могутъ сравниться развѣ постановки Московскаго Художественнаго театра. Третье дѣйствіе происходитъ во время представленія въ танцевальномъ домѣ. На сценѣ около 200 человекъ зрителей, и надо видѣть, сколько жизни, движенія въ

Таганрогъ. Антреприза г. Булатова.

А. А. Рейхштадтъ.

этой живописной толпѣ; это настоящая испанская толпа, пе знающая мѣры и границъ своимъ восторгамъ, бросающая на сцену шляпы, кольца, цвѣты и деньги.

Недостатокъ пьесы тотъ, что эта реальная, полная страсти драма заканчивается ибсеновскимъ символомъ.

Все послѣднее дѣйствіе является потому какъ бы представленнымъ нарочно, какъ бы лишнимъ. Роль Эстреллы играла известная артистка Полэръ. Полэръ начала свою артистическую карьеру танцовщицей въ театрѣ Scala. Она прославилась тамъ своей топчайшей таліей, дикой шапкой черныхъ волосъ на головѣ и своей изумительной, оригинальной наружностью; о красотѣ здѣсь нѣтъ и поминя; это скорѣе „идеальное безобразіе“. Но у этой тонкой какъ оса, некрасивой дѣвушки оказалась изумительная мимика, металлическій, симпатичный голосъ и очень выразительная дикція.

Полэръ оставалась въ Scala недолго и скоро перешла въ драму; ее „дансировалъ“ (какъ говорятъ въ Парижѣ) известный писатель Вилли — авторъ цѣлой серіи пресловутыхъ романовъ о Клодинѣ (Clodine à l'École и др.). Вилли женатъ на очень талантливой писательницѣ и въ то же время артисткѣ — Колееттѣ Вилли. Визко осведомленные люди увѣряютъ, что всѣ „Клодины“ тоже написаны не Вилли, а его женой. Вилли, Колеетта и Полэръ составляли неизмѣнное трио и повсюду появлялись вмѣстѣ. Полэръ лѣтъ пять тому назадъ отдѣлилась отъ этого трио, и дуэтъ Вилли и Колеетты тоже векоръ разстроился; они совершенно разошлись.

Роль Эстреллы удивительно подходитъ къ артистическому темпераменту Полэръ. А такъ какъ въ 3 дѣйствіи Эстрелла танцуетъ на эстрадѣ танцевальнаго дома, то неудивительно, что бывшая звѣзда театра Scala имѣла личный очень большой и вполне заслуженный успѣхъ.

В. А. Бинштокъ.

Что дѣлается въ провинціальныхъ театрѣ?

Я недавно совершилъ маленькое турнѣ по югу Россіи и имъ воспользовался для того, чтобы присмотрѣться къ театральной жизни ряда городовъ, узнать общее настроеніе и публики и работающихъ на театрѣ сценическихъ дѣятелей. Легко это сдѣлать, конечно, только на мѣстѣ. Никакая, самая обстоятельная, подробная корреспонденція съ мѣста не передастъ, вѣдь, вамъ именно того, что больше всего сейчасъ интересуетъ театральный мѣръ. Надо прикоснуться къ кулисамъ, къ актерамъ, къ антрепренерамъ, надо вообще поте-

реться среди всего, прилегающаго къ театрѣ, чтобы сдѣлать затѣмъ общее заключеніе.

Возоградное впечатлѣніе получается, когда ознакомившись съ тѣмъ, что переживаетъ сейчасъ театральная провинція. Слово, лютымъ холодомъ повѣяло откуда-то, и застыли актерскія сердца, застыла публика, застыло вообще все въ театрѣ. Нѣтъ оживленія, нѣтъ театральной увлеченія, паоса, ажитации. Холодно, глухо, пусто. Безцвѣтны талантливые люди, совершенно блѣдны и почти неприятны маленькія дарованія. Молодыхъ, подающихъ надежды, почти нѣтъ: или они вывелись, или ихъ умышленно стерли, не показываютъ, не выдвигаютъ... Нѣтъ яркаго режиссера, декоратора, ни одной болѣе или менѣе интересной постановки. Репертуаръ слабъ и безсистеменъ. Точно нарочно сваливаютъ все въ одну общую беспорядочную кучу. Даже опытные, дѣльные и стойкіе антрепренеры выдохлись. Они не умѣютъ уже пускати, фейерверкъ шуму, фонтанъ патетическихъ общаній публикѣ... Не умѣютъ придумать яркаго репертуара, не умѣютъ разбить его такъ, чтобы все было хорошо, чтобы хотя съ матеріальной стороны получилось относительное удовлетвореніе...

Гдѣ же вся прежняя, яркая, живая жизнь? Гдѣ здоровоо сердце провинціального театра? Гдѣ люди, жившіе имъ и дававшіе жизнь ему?! Одна огромная холодная могила легла на театръ и застыла. Ни съ мѣста. Не трудитесь сдвигать ее сейчасъ, въ этомъ сезонѣ.

Вы спросите: что это такое? Чѣмъ объяснить? Я тоже объ этомъ спрашивалъ въ рядѣ городовъ, и мнѣ смутно, въ такихъ блѣдныхъ и распылчатыхъ тонахъ, объясненія. За послѣдніе 1½—2 года застылъ вообще русскій театръ. Потому что застыла вся русская жизнь. Застыли драматурги. Нѣтъ яркаго репертуара, и не въ чемъ ярко выдвинуться и проявить себя актерамъ. Блѣднѣ стали писать драматурги съ именемъ. Переводныя вещи тоже слабы. И вотъ почему нѣтъ репертуара, нечего ставить, нечего показать публикѣ...

Погому ужасное настроеніе у актеровъ. Одинъ крупный провинціальный актеръ, заживавшій цѣлый рядъ лѣтъ публику, не старый и яркій, говорилъ мнѣ, что у него никакого настроенія, никакого увлеченія игрой сейчасъ нѣтъ. Новый репертуаръ текущаго сезона его не захватываетъ. Брался за старый, за тѣ вещи, въ которыхъ онъ цѣнилъ публику; но выходило что-то слабое и дѣлавное... А вѣдь онъ, какъ герой-любовникъ, вся надежда автрепренера, долженъ былъ зажигать всю трушну, всю публику. Немудрено, что настроеніе его передалось автрепренеру, и, въ общемъ, все пошло, сѣро и скучно.

Одна популярная на югѣ талантливая артистка рассказывала, что въ началѣ сезона у нея было и увлеченіе, и настроеніе, и желаніе работать безъ конца, безъ предѣла; но стоило только начать сезонъ, приступить къ дѣлу, какъ все куда-то ушло, исчезло. Артистку смутила слабая игра коллегъ. Несмотря на всѣ ея старанія, чего-то общаго и стройнаго не получалось. И она махнула на все рукой, чтобы по ремесленному играть, соблюдая технику, примитивные сценическіе законы.

Въ одномъ театрѣ холодно и пусто потому, что антрепренеръ скверный — грубый, некультурный; въ другомъ — денегъ не платятъ, въ третьемъ — не хватаетъ актеровъ на ампула или есть лишніе. Словоизъ, беспорядочность, неразбериха, абракадабра, въ которой и самъ сатана ногу сломаешь. И это все тогда, когда антрепренеровъ много, актеровъ еще больше, конечно, актеровъ — скромныхъ работниковъ, а не талантовъ...

Вы спросите: что же дѣлать? Какъ быть, чтобы стало лучше, легче, чѣмъ сейчасъ? Я не задаюсь цѣлью совѣтовать. Я констатирую только фактъ и хочу, чтобы тѣ, которые работаютъ на театрѣ, подумали о томъ, что онъ переживаетъ сейчасъ. Что-нибудь сдѣлать, конечно, нужно. Нужно потому, что жить въ пустой и холодной могилѣ нельзя. Душно, тяжело. Люди задыхаются. Нуженъ свѣжій воздухъ. Дайте вздохнуть чѣмъ-нибудь!

А. Ардовъ.

Письма из Тифлиса.

(Корреспонденция „Рампы и Жизни“.)

Только съ середины ноября развернулись наши театры. И драма и опера сыгрались и с успехом и тѣмъ окончательно завоевали вниманіе публики. Оба театра—казенный и „Артист. о-ва“—прямо-таки забросали публику новинками.

Выдающимся явленіемъ въ театральной жизни Тифлиса надо считать, бесспорно, постановку драмой г-жи Пигоевой-Бѣлецкой послѣднихъ пьесъ Л. Андреева „Анатэма“ и „Анфиса“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что дирекція драм. труппы не рѣшилась ставить „Анатэмы“ раньше, чѣмъ командировать въ Москву, въ Художественный театръ, талантливаго артиста и режиссера труппы А. Л. Зиновьева. Послѣдній, посмотрѣвъ „Анатэму“, вернулся въ Тифлисъ и поставилъ трагедію Л. Андреева по мизансценамъ Художественнаго театра. Мнѣ не одинъ разъ посчастливилось видѣть постановки театра Станиславскаго, и потому я съ большимъ предубѣжденіемъ шелъ смотрѣть постановку у пась „Анатэмы“. Но я ошибся. И радовался своей ошибкѣ. Тонкій художникъ и чуткій артистъ, г. Зиновьевъ передалъ намъ „Анатэму“ съ подобающимъ его таланту умѣніемъ и тѣмъ не только не оскорбилъ художественниковъ, какъ это дѣлаютъ въ большинствѣ случаевъ провинціальныя театры, а, наоборотъ, оказалъ Художественному театру услугу, усиливъ въ тифлисской публикѣ интересъ къ этому образцовому театру. Теперь наша публика, посмотрѣвъ „Синюю птицу“ въ постановкѣ г. Соболевцова-Самарина и „Анатэму“, ясно представляетъ себѣ, какъ великъ московскій Художественный театръ.

„Анфиса“ была поставлена у насъ въ бенефисъ премьеры труппы П. Г. Баратова. Столицѣ эта пьеса не понравилась. То, что пьеса моднаго писателя не понравилась публикѣ, что столичная пресса почти единогласно приговорила „Анфису“ къ позорному столбу, еще болѣе заинтересовало насъ, провинціаловъ. Потому и бенефисъ г. Баратова и послѣдующія постановки „Анфисы“ прошли при переполненномъ театрѣ.

И публика и мѣстная пресса разошлись совершенно во мнѣніи со столицей. Въ своемъ дѣлѣ, можетъ быть, „Анфиса“ и не такъ глубока по содержанию, какъ другія пьесы Андреева, но что она жизненна, интересна по своему замыслу, сценична—это, полагаю, не подлежитъ сомнѣнію. Нѣсколько скученъ и растнутъ первый актъ, но съ каждымъ послѣдующимъ актомъ интересъ къ пьесѣ растетъ.

Наличіе въ труппѣ г-жи Пигоевой-Бѣлецкой такихъ силъ, какъ г. Баратовъ, Бѣлевы, Давыдовъ, Шахаловъ, г-жи Сарнецкая, Кречетова, Тенишева и Муравьева-Побѣдова успѣхъ пьесамъ Л. Андреева обезпечивало исполнѣ.

Серію бенефисовъ въ драмѣ открылъ г. Баратовъ „Анфисой“. Затѣмъ прошли бенефисы: г. Зиновьева („Докторъ Штокманъ“), касирши г-жи Тернуговой („Звѣзда нравственности“), г-жи Кречетовой („Колдунья“—Сарду). Объявленъ бенефисъ г-жи Сарнецкой, выбравшей для своего спектакля „Жени“ Айзмана.

Наиболѣе удачнымъ, въ смыслѣ художественномъ и матеріальномъ, надо считать бенефисъ г. Баратова.

Г. Эйхенвальдъ въ неослабывающей энергіи продолжаетъ оперное дѣло. Ежедневно идутъ все новыя и новыя оперы.

За послѣднія недѣли онъ познакомилъ насъ съ операми „Тайсъ“ и „Пѣснь торжествующей любви“, при чемъ для музыкальной постановки послѣдней оперы пригласилъ автора оперы, композитора г. Гартвельда. Вечеръ постановки „Пѣснь торжествующей любви“ былъ сплошной оваціей по адресу композитора.

Можно поставить г. Эйхенвальду въ упрекъ то обстоятельство, что онъ „ни къ селу ни къ городу“ взялся за постановку у себя оперетокъ. Странно и даже какъ-то больно послѣ „Батерфля“ и „Чародѣйки“ смотрѣть у оперныхъ артистовъ пресловутую „Веселую вдову“ и, того хуже, валентиновскую стряпню „Ночь любви“. Серьезному музыканту г. Эйхенвальду, вчера дирижировавшему симфоническимъ концертомъ, неслѣдъ заниматься пустяками. Жаль потраченнаго времени и силъ! Сиди сице. Вѣдь Валентетти не ставитъ „Онѣгина“ и „Гугенотъ“, такъ зачѣмъ же Эйхенвальду вторгаться въ область чуждаго его таланту искусства, въ область недостойную серьезнаго артиста.

Съ 1-го декабря въ театрѣ грузинскаго дворянства начала свои спектакли опереточная труппа г. Валентетти. Первые спектакли не привлекли публики, и потому пришлось сбавить цѣны на мѣста, которые, къ слову сказать, еще не знали такой непомерно высокой расцѣнки, какъ у Валентетти.

Труппа у г. Валентетти весьма приличная. Съ каждымъ спектаклемъ интересъ къ опереткѣ у нашей публики возрастаетъ. Заслуженнымъ успѣхомъ у публики пользуются: г-жи Сергѣева, Алезія-Вольская, гг. Грѣховъ, Баратовъ и, пожалуй, Ксеидзовскій.

Съ колоссальнымъ успѣхомъ прошелъ въ концертномъ залѣ „Арт. о-ва“ концертъ примадонны Маринской оперы М. А. Михайловой.

Приѣхала къ намъ и В. Ф. Комиссаржевская съ своей прекрасной группой. Какъ сама г-жа Комиссаржевская, такъ и другіе ея члены труппы пользуются выдающимся успѣхомъ. Намъ приятно отмѣтить, что г-жа Комиссаржевская гастролируетъ не одна, а въ сотрудничествѣ такихъ хорошихъ артистовъ, какъ гг. Нароковъ, Аркадьевъ, Закушнякъ, г-жа Нарбекова и др.

Опера г. Эйхенвальда на время гастролей В. Ф. Комиссаржевской раздѣлилась на двѣ группы. Одна поѣхала въ Батумъ и Кутаисъ, другая—въ Баку, Грозный, Петровскъ и Владикавказъ.

І. Осиповъ.

Харьковскія письма.

II.

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ я оставилъ за собою право поговорить объ „Анфисѣ“—пьесѣ Леонида Андреева.

Къ сожалѣнію, съ момента поѣздки моего письма прошло такъ много времени, что „Анфиса“, обойдя почти всѣ столичные и провинціальныя сцены, вызвала столько сужденій, что мнѣ нечего уже добавить къ выш. Одно могу сказать: не имѣя большого ни матеріальнаго, ни художественнаго успѣха на многихъ сценахъ, „Анфиса“ вызвала у нашей публики большой интересъ и десяти постановокъ этой пьесы на сценѣ Городскаго театра, за исключеніемъ одного-двухъ разъ, дали полныя сборы; дадутъ, вѣроятно, хорошия сборы и послѣдующія постановки, такъ какъ пьесой Андреева все еще продолжаютъ интересоваться.

Не то вышло съ „Обывателями“ г. Рышкова и „Свѣтлой личностью“ Евтихія Карлова. Пьесы эти не имѣли не только кружнаго, но и средняго успѣха у публики: особенно „Свѣтлая личность“. Рышковскіе „Обыватели“, поставленные подъ наблюденіемъ автора, дали полный сборъ, потому еще дали пять-шесть хорошихъ сборовъ и уступили мѣсто „Анфисѣ“.

Что же касается „Свѣтлой личности“, то эта большая, растянутая, скучная пьеса, тоже оставленная подъ наблюденіемъ автора, не имѣла ни малѣйшаго успѣха и, кажется, послѣ трехъ постановокъ, сдана въ архивъ.

Въ настоящее время весь интересъ и дирекціи и публики сосредоточился на трагедіи Л. Андреева „Анатэма“. Дирекція Городскаго театра, рассчитывая на это произведеніе, какъ на спасительный гвоздь сезона, стала готовиться къ постановкѣ ее съ самаго начала сезона и въ субботу, 12 декабря, поставила. Надо отдать должную справедливость антрепренеру г. Соколовскій не остановился передъ затратами и сдѣлалъ все возможное для провинціального театра.

Величественную картину пролога и эпизода и художественныя, стилизиранныя декорации во всѣхъ пяти актахъ. Первый и второй спектакли, шедшіе подрядъ, прошли при переполненныхъ сборахъ, третій—при болѣе слабыхъ, четвертый же снова при полномъ. Г. Двинскій, выступающій въ роли „Анатэмы“, не обладая достаточно сильнымъ голосомъ и соотвѣтствующей роли фигурой, тѣмъ не менѣе исполняетъ свою роль обдуманно, ровно и если вышнія черты, придаваемые имъ Анатэмѣ, слабы, не сообщаютъ ему величія силы и дерзости, но внутренняя сущность андреевскаго адвоката чуждѣства, его тоска по истинѣ, мучительная жажда проникнуть за грань умопостигаемаго, печаль и скорбное отношеніе къ страдающему человечеству вполне опредѣленно выступаютъ въ исполненіи г. Двинскаго. Его „Анатэма“, сосредоточенный, серьезный, съ острыми проникновеннымъ взоромъ, безъ кривлянья и шаржировки, то злобно, то грустно пронизирующій, то вспыхивающій презрѣніемъ къ человеку, продолжающему стоять на своемъ, трагиченъ, расчленяетъ.

Хорошо исполняетъ роль Давида г. Шнитцъ. Артистъ много работаетъ надъ ролью и даетъ въ ней, особенно въ послѣдующіе спектакли живое, характерное лицо добраго, спокойнаго, мудраго, честнаго старика со всеобъемлющимъ, чуткимъ, нѣжнымъ сердцемъ и высокой благородной душой.

Хорошо, выдержанно, тонко и съ большой искренностью олицетворяетъ тихую, кроткую, покорную, печальную жену Дойзера Суру г-жа Воронина; великолѣпнаго, необыкновеннаго типичнаго и яркаго музыканта, дирижирующаго хоромъ, создается г. Сорочанъ, недурно играющій и другую роль—учителя гашевы; у г. Брошель хорошия, крупная, вполне соотвѣтствующая „Нѣкто“, ограждающему входы, фигура; изображалъ его, овъ держался твердо, увѣреннаго убѣжденнаго тона, сообщающаго фигурѣ „Нѣкто“ величіе и строгости; недурно изображаетъ Пурикса г. Коваровъ, скромный, любящій дѣло труженникъ; г. Пѣвцовъ, стилино волюющающій Страничка; г-жа Ильина съ темпераментомъ передающая небольшую роль Сары Ленке; г. Литвиновъ очень живоенно воспроизводящій чахоточнаго Наума и г. Салтыковъ, молодой, слободный, но еще далеко неопытный артистъ, въ вѣрныхъ тонахъ изображающій Безкрайняго.

Ставилъ трагедію Л. Андреева г. Соколовскій и, какъ всегда, съ большой обдуманностью и художественнымъ чутьемъ. Превосходно были поставлены: хоры, живописный и

и пестрый, толпа слѣпцовъ, полная жуткой, жизненной правды; всѣ сцены третьяго акта и бунтъ народа въ каме волозпихъ.

Въ декабрѣ ждутъ постановки «Молкаго бѣса», которую будетъ руководить самъ авторъ, г. О. Сологубъ.

Полоса бенефисовъ, пачавшаяся съ ноября, мало привлекла антрепризъ и бенефициантамъ. Ни одна бенефисъ не далъ полного сбора и не принесъ обилия подношеній и оаций. Бенефисъ даровитой г-жи Савицъ, выступающей почти ежедневно въ теченіе трехъ сезоновъ, прошелъ при среднемъ сборѣ; г-жи Воронинной тоже при небольшомъ; г. Маликова, пользующагося сравнительно порядочнымъ успѣхомъ, совсѣмъ при плохомъ и даже такіа замѣтны, по амшлу и сравнительно симпатичному дарованію, какъ г-жи Васильчикова и Кварталова, не взяли полныхъ сборовъ и долги были доволествоваться теплымъ приѣмомъ, цѣточными и цѣнными подношеніями, хотя на отсутствіе подношеній, правда, не такихъ обильныхъ и цѣнныхъ, не могутъ пожаловаться и другіе бенефицианты.

Г. Сатинъ.

(Къ 15-лѣтію арт. дѣятельности.)

Г. Двинскій поставилъ въ свой бенефисъ драму А. С. Суворина «Дмитрій Самозванецъ и царица Ксенія». Бенефисъ прошелъ при среднемъ сборѣ, но имѣлъ художественный успѣхъ и, главнымъ образомъ, благодаря г. Двинскому, съ большимъ подъемомъ, иластикой и воодушевленіемъ исполнявшему роль самозванца, и отчасти довольно прочувствованной игрѣ г-жи Кварталовой, давшей въ Ксеніа образъ живой и опредѣленный. Сообщать о томъ, что городской театръ снятъ на пять лѣтъ г. Спнельниковымъ, едва ли нужно, такъ какъ сообщеніе это уже помѣщено въ журналѣ; что же касается подробностей сдачи театра въ условіи аренды, то это едва ли можетъ представлять какой-нибудь интересъ для читателей.

Дѣла г. Коралли-Торцова, подвизающагося со своей труппой въ театрѣ Грликке, все тѣ же. Энергичный, дѣятельный и опытный антрепренеръ, г. Коралли-Торцовъ умѣло поддерживаетъ интересъ къ своему дѣлу со стороны невзыскательной публики, посѣщающей спектакли его труппы. Онъ даетъ все, что можно, при чемъ не останавливается передъ запретами на обстановку и декораціи. Репертуаръ его театра очень пестръ, но всегда, въ одномъ или другомъ отношеніи, интересенъ. Бывають пьесы нехудожественныя, нелитературныя, но сенсационныя, выхваченныя изъ современной жизни, въ родѣ пресловутой «Дѣти двадцатаго вѣка» и «Бѣлые вороны», гдѣ изображаются аславошца; но чаще вниманіе антрепренера останавливается на вещахъ въ художественномъ, идейномъ и литературномъ смыслѣ вполне удовлетворительныхъ. Ставятся Островскій, Достоевскій, Рышковицъ и даже Ибсенъ. Труппа г. Коралли-Торцова не всегда, конечно, осиливаетъ насипхъ поставленныя пьесы, тѣмъ не менѣе проявляетъ большую трудоспособность, любовь и увлеченіе, а это уже заслуживаетъ большой похвалы. Существенный недостатокъ артистовъ г. Коралли-Торцова—отсутствіе тонкой, вдумчивой, и хотѣлъ бы сказать, интеллигентной игры; что же касается присутствія въ труппѣ людей съ темпераментомъ, способностью прокинуться ролью, проявить въ ней искренность, то оно сказывается на исполненіи многими изъ артистовъ своихъ ролей, и отрицать его валичности нельзя. Къ числу артистовъ съ болѣе ярко выраженными способностями относятся: г-жи Линецкая, Высоцкая, совсѣмъ молодая, начинающая — Славилская, Ленская, Камкова; гг. Большаковъ, Борисоглѣбскій, Рутковскій и Яковлевъ.

Гастроля г-жи Коммиссаржевской прошли при полныхъ сборахъ, но общее мнѣніе, что предшествующее увлеченіе талантливой артистки стилизаціей подъ вліяніемъ, чтобъ ему пусто было, г. Мевервольда, сильно повліяло на ея дарованіе и преявляющія впечатлѣнія — искренности, простоты и жизненности—игра г-жи Коммиссаржевской не производить.

Недавно вакоинившійся гастроли бр. Адельгеймъ, давшихъ въ Маломъ театрѣ восемь спектаклей, съ труппой, по обыкновенію, до невозможности слабой, того успѣха, какой опъ имѣли въ два предшествующіе приѣзда, не имѣли. Только и полва бывала галлерей, ложы же и партерь зіяли пустотой.

Да и неудивительно. Бр. Адельгеймъ привозятъ все оди и тѣ же пьесы, слабый антуражъ и прагуютъ по прежнему сухо, холодно, надуманно. Интересоваться ими можетъ только невзыскательная публика, театръ же, въ которомъ они выступили, въ такой части города, куда подобной публикѣ добраться нелегко.

Въ оперѣ дѣло идетъ превосходно. Гастроли Ванъ-Брандъ и г. Большакова прошли при полныхъ сборахъ.

Въ циркѣ Муссури, принявшемъ названіе «Коллзей», на смѣну издѣвшимъ борцамъ пришелъ комикъ Дуровъ съ дочерью, обладающей феноменальной памятью, и женой, угадывающей прошлое, будущее, желаніе и мысли. Появленіе Дурова повысило интересъ къ цирку, въ послѣднее время, даже при борцахъ, сильно повизившійся. Въ циркѣ Муссури съ 26-го декабря начинаются спектакли малорусской труппы г. Суходольскаго, а въ «Маломъ театрѣ» — опереточной труппы г. Крылова.

Театръ пародій и шаржевъ «Голубой глазъ» посѣщается охотно. Организаторы дѣлаютъ все, чтобы улучшить дѣло, внести больше разнообразія и поддержать интересъ. На-дняхъ репертуаръ «Голубого глаза» пополнлся довольно остроумными диалогами въ лицахъ «Въ кафѣ» соч. г. Юса, пьескою Евреинова «Веселая смерть», превосходно исполненной, и выступленіемъ мѣстныхъ литераторовъ съ чтеніемъ своихъ произведеній: г. Ю. С. Волна, А. А. Ставквича, Анны Маръ (псевдонимъ) и г. Тавричанина. Болѣе выгодное впечатлѣніе произвело чтеніе г-жи Анны Маръ и отчасти г. Волна. Составъ сотрудниковъ «Голубого глаза» увеличивается и обогащается талантливymi людьми.

Режиссерскую сторону взялъ на себя опытный и талантливый режиссеръ г. Гутманъ, по почальному стеченію обстоятельствъ оказавшійся не удѣлъ въ половинѣ сезона.

Б. М.

Провиція.

Вильна. Театральный совѣтъ въ засѣданіи отъ 22 декабря единогласно рѣшилъ сдать театръ Е. А. Бѣляеву на три года.

Владикавказъ. (Отъ нашего корреспондента.) 12 декабря въ городскомъ театрѣ труппа и публика чествовали антрепренершу З. А. Малиновскую по случаю исполнншагося 25-лѣтія ея сценической и 15-лѣтія — антрепренерской дѣятельности.

Юбилей былъ обставленъ и прошелъ очень торжественно.

Переполненный зрительный залъ.

Вокругъ — гирлянды зелени, флаги.

Яркими красками электрической радуги переливаются цифры XV — XXV... И такъ много говорятъ о тернистомъ, тяжеломъ пути, приведшемъ теперь къ радости, счастливой минутѣ, полной воспоминаній такихъ же пестрыхъ, какъ переливы этихъ огней—хотя, быть можетъ... не во всемъ такихъ свѣтлыхъ и яркихъ.

Въ воздухѣ — возбудженіе.

Оно невидимой тревожной волною несетъ по коридорамъ, по залу, проникаетъ за занавѣсь и тамъ, на сценѣ, сливается въ одно цѣлое, съ такимъ же возбудженіемъ закулнсаго, еще болѣе близкаго этой минутѣ, міра.

Въ такихъ вечерахъ, гдѣ интересы раздѣленныхъ рампою половины сливаются въ общую массу, гдѣ нити, связывающія зрителя и актера, становятся ошутительнѣе и крѣпче,—въ такихъ вечерахъ есть свое настроеніе.

Оно вспыхиваетъ вдругъ пламенемъ, мощнымъ и сильнымъ, и когда пламя гаснетъ, послѣ долго еще отъ его тлѣющихъ искръ на душѣ бьетъ тепло и приятно.

Такое настроеніе царило во владикавказскомъ театрѣ на юбилей З. А. Малиновской.

Шло «Горе отъ ума», со специально прихавшимъ къ юбилею артистомъ Имп. театровъ Ф. Ф. Вронченко-Левинскимъ въ роли Фамусова и артисткой ростовской труппы Соболищкова-Самарина, И. Е. Славатинской—въ роли Лизы. Чествовали юбиляршу послѣ третьяго акта.

Длинной вереницей потянулись подношенія. Казалось, нѣтъ имъ конца... Вѣнки, адреса, много цѣнныхъ вещей...

Звучали туши и маршъ, посвященный виновницѣ торжества.

А на сценѣ, гдѣ собралась вся труппа, и въ зрительномъ залѣ подолгу непрекращавшимся гуломъ гремѣли аплодисменты.

Читались адреса: отъ труппы курской, отъ труппы владикавказской, отъ публики далекаго, связаннаго съ юбиляршей узами воспоминаній о восьми сезонахъ, Ташкента...

И потомъ — телеграммы. Ихъ было много. И откуда только нѣ прилетѣли они!..

Чтеніе ихъ внесло самая торжественныя минуты и ясное представленіе о томъ, кого чествовали въ этотъ вечеръ во владикавказскомъ театрѣ.

Теллы, сердечныя, полныя искренности слова, принесшія изъ разныхъ концовъ обширной Россіи, слились въ мощный гимнъ маленькой женщинѣ, четверть вѣка честно стоявшей на стражѣ большого дѣла...

...Окончилось чествованіе. Окончился и юбилейный спектакль.

Театръ опустѣлъ и умолкъ. Публика расходилась домой.

И чувствовалось, что у многихъ мелькаютъ мысли, сводящіяся къ одному и тому же:

— А недурно, право, быть хорошиимъ человѣкомъ и пережить такой свѣтлый и радостный юбилей!..

В. Л.

Кіевъ. Служащая въ Одессѣ у г. Багрова г-жа Юренина подписала на будущій годъ контрактъ къ г. Дувану-Горцову. Вопросъ о приглашеніи режиссера г. Дуваномъ еще не рѣшенъ.

Басъ оперы С. И. Зимина г-нъ Улухановъ переходитъ съ будущаго сезона въ кіевскую оперу г. Брыкина.

М. К. Садовскій снялъ на лѣто театръ въ саду „Шато-де-Флеръ“ для своей малороссійской труппы.

С. В. Брыкинымъ приглашены на будущій сезонъ теноръ — г-нъ Каржевнигъ, баритоны — гг. Каміонскій и Максакъ, басъ — г-нъ Улухановъ, сопрано — г-жи Брунъ, Борина и Воронецъ, и дирижеры — гг. Пагани, Штейнбергъ и Оцепъ. Для приглашенія другихъ артистовъ г-нъ Брыкинъ приѣхалъ въ Москву. Къ постановкѣ намѣчены: „Золотой Пѣтушекъ“, „Вражья Сила“, „Quo Vadis“ и „Андрѣ Шеней“.

Ближайшей новинкой въ театрѣ Соловцова объявлена „Авинянка Ливистрата“ съ г-жей Пасхаловой въ заглавной роли. На 2-е января назначенъ бенефисъ г-на Дагмарова-Жукова, имѣющаго здѣсь большой успѣхъ. Пойдутъ „Освобожденныя рабы“ Кацельбурга.

Въ Городскомъ Музеѣ открылись двѣ картинныя выставки — акварелей Альберта Бенуа и мѣстнаго художника нѣкоего Маневича. Картины послѣдняго, написанныя якобы въ „новомъ“ стилѣ, представляютъ безотрадное зрѣлище. Публика выражаетъ справедливое неудовольствіе по адресу заправилъ городского музея, предоставляющихъ безъ разбора стѣны музея для претенциозныхъ бездарностей.

Симфоническій концертъ подъ управленіемъ Оскара Недбала прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Солоистомъ выступилъ г-нъ Цесевичъ, басъ мѣстной оперы.

Я. М.

Одесса. (Попечительство о народной трезвости.) Вопросъ о сокращеніи расходовъ переданъ въ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ г. Маркова. Э. К. Булатовичъ, предсѣдатель исполнительнои и театральнои комиссіи, порѣшилъ сдать большой лѣтній театръ частнымъ предпринимателямъ, и его снимаютъ пайщики: г-жи Кручинна (артистка), Дамиръ (артистка); гг. Валуа (артисты), г-жа Арнольдова (любительница), г. Вавичъ (членъ попечит. о народ. трезвости). Спектакли будутъ ежедневныя. Съ новаго года временная театр. комиссія слагаетъ свои полномочія и вступаетъ прежняя: гг. Вандершкрюфъ, Вавичъ, Прискичъ и Павловъ. Выбываютъ: г-да Княгиницкіи и Арнольдовы. Проекты гг. Княгиницаго, Арнольдова и Шапошникова о реорганизациіи дѣла и оставленіи въ рукахъ попечительства, съ годовой труппой, Э. К. Булатовичемъ отклонены, таковой же проектъ полковн. Нечай-Грузевича также отклоненъ, несмотря на поддержку предсѣд. комитета. Завѣдовать хозяйствен. частью будутъ: гг. Вавичъ и Вандершкрюфъ.

Г. М. Д.

Редакторъ-Издатель Л. Г. Мунштейнъ (Lolo).

ИСТЫЕ ЗНАТОКИ
И ЦѢНИТЕЛИ
ПРЕДПОЧИТАЮТЪ

ИРРУА

Сладкое — ИРРУА-КАПРИЗЪ, — DEMI-SEC
Средней слад. — ИРРУА-ГРАНЪ ГАЛА, — SEC,
Мало сладкое — ИРРУА-АМЕРИКЕНЪ, — SEC, EXTRA
Безъ сладости — ИРРУА-БРЮТЪ. — TRÈS SEC

IRROY

ШАМПАНСКОЕ
ПРИЗНАННОЕ
НАИЛУЧШИМЪ

НА

1910

ГОДЪ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный театральнй богато иллюстрированный журналъ

„РАМПА и ЖИЗНЬ“

подъ редакціей

„

Л. Г. Мунштейна
(Lolo).

НА

1910

ГОДЪ

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

ЖРЕЦЫ и ЖРИЦЫ ИСКУССТВА

(словарь сценическихъ дѣятелей) въ стихахъ LOLO, съ портретами и шаржами *Andr'a*, П. Малютина, Д. Мельникова и друг. Самая широкая освѣдомленность. ♣ Спикеры и зарисовки всѣхъ интереснахъ постановокъ иностранныхъ и русскихъ сценъ. ♣ Эскизы для грима и декораций. ♣ Портреты сценич. дѣятелей. ♣ Спец. фотографіи всѣхъ новопокъ Художественнаго театра. ♣ Карикатуры на театральныя злобы дня.

ОБШИРНЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

52

большахъ портрета (на обложкѣ) артистовъ, писателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе 1000 спикеровъ, зарисовокъ, шаржей, карикатуръ и проч.

52

Собственные корреспонденты во всѣхъ западно-европейскихъ театральнхъ центрахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и пересылк.: годъ—6 руб., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к.; за границу — вдвое. Объявленія впереди текста 75 коп., позади 50 коп. строка петита.

Главная контора журнала: Москва, Бронная, Больш. Колякинскій пер., д. Мясникова. Тел. 258-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также у П. П. Печковской (Петровскія лавы), въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Н. О. Вольфа и др. ♣ Розничная продажа журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“, кромѣ Москвы, производится: въ Петербургѣ, — Невскій, пассажъ, газетный кіоскъ; въ Одессѣ — кіоскъ Альтшулера; въ Кіевѣ — книжн. маг. Л. Пдзиковскаго; въ Саратовѣ — книжн. маг. Суворина; въ Твери — кіоскъ Коротѣва; въ Казани — у С. П. Коломенскаго и въ маг. „Восточная Лира“; въ Елизаветградѣ — у Д. Занасая; въ Пятигорскѣ — у А. П. Чайкина; въ Черкасахъ — у Х. Скловскаго; въ Смоленскѣ — книжн. маг. Лобкля; въ Симбирскѣ — у Гладкова; въ Елизаветградѣ — книжн. кіоскъ; въ Владивостокѣ — газет. аген. „Польза“; въ Житомирѣ — театр. библ. Ваксера; въ Нижнемъ-Новгородѣ — муз. маг. „Акордъ“.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Л. Р. Нелидовой и А. I. Собошанской.

Москва, Страстной бульвар, домъ княгини Ливень.

Телефонъ 240-45.

КЛАССЫ БАЛЕТНЫЕ:

1) для Старшаго возраста. 2) для Младшаго возраста.

КУРСЫ ХОРЕОГРАФІИ:

3) для Старшаго возраста. 4) (Воскресные классы)—для дѣтей.

5) для ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЬНИЦЪ ТАНЦЕВЪ.

ПРИЕМЪ СЪ 1 АВГУСТА.

Приемъ въ Балетные Классы Старшаго возраста—круглый годъ.

Программы и условия въ помѣщеніи Школы.

ТЕАТРЪ
К. Н. НЕЗЛОБИНА
(бывшій Новый театр).

1-го янв. утромъ „У царевны Динь“, вечеромъ „Эросъ и Психея“. 2-го утромъ „Шлюкъ и Яу“, вечеромъ „Эросъ и Психея“. 3-го янв. утромъ „У царевны Динь“, вечеромъ „Черныя маски“. 4-го утр. „У царевны Динь“, вечеромъ „Эросъ и Психея“.

Нач. въ 8 ч. веч.

Администраторъ С. И. Годзи.

Театръ „БУФФЪ“

Дирекція А. Э. Блюменталь-Тамарина.

1-ое января 1) „Веселые Нибелунги“ 2) Романсы Н.

В. Плевицкой 3) Томъ Джекъ — Король цѣпей. 2-го

января 1) Наши Аэронавты 2) Романсы Н. В. Плевиц-

кой 3) Томъ Джекъ. 3-го января 1) Орфей въ аду

2) Романсы Н. В. Плевицкой 3) Томъ Джекъ.

Главн. режиссеръ А. П. Гаринъ. ■ Режиссеръ Н. Ф. Бутлеръ.

ТЕАТРЪ И. В. ЛЕБЕДЕВА

САДОВАЯ, 170.

ТЕЛЕФ. 239-30.

ЕЖЕДНЕВНО МЕЛОДРАМА, КОМЕДИЯ И

ВСЕМИРНЫЙ ЧЕМПИОНАТЪ ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ НА ПЕРВЕНСТВО МИРА.

Нач. спект. въ 8 ч. веч., борьбы въ 11¼ ч. веч. Билеты продаются до 5 ч. въ конт. Центральн. кассы (Петровск. лин.) и съ 6 ч. веч. въ кассѣ театра.

ОБЩАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КАССА.

Петровскія линіи, № 7. Телефоны 207-89 и 156-35.

ОТКРЫТЫ агентовъ насом: Мясницкая, д. Лѣтошлево. Берлинскій писчеб. магаз., тел. 89-53; Больш. Полянка, д. Феррейя, магаз. Кулакова, тел. 206-78; Арбатъ, д. № 52, аптекарск. магаз. Орлова, тел. 94-50; Тверская, ул., уг. Грузинской ул. магаз. Каледжина, тел. 167-60; Таганка, д. Чижова, магаз. Блохъ. Продажа билетовъ въ театры: Зимина, Корша, Незлобина, Театръ Лебедева и др.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „РАМПА и ЖИЗНЬ“

ВЫСЫЛАЕТЪ

Алчущій знаменія (Гласъ Божій), др. въ 3 д., пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. Арсень Люпенъ и Шерлокъ Холмсъ, пьеса въ 5 д. и 7 к. пер. съ фр. Ц. 2 р. Брачная ловушка, ком. въ 3 д. Ц. 2 р. Бѣлые вороны (Хищники), пьеса въ 5 д. А. Вершинина. Ц. 2 р. Вожди, эпизоды въ 5 д. кн. Сумбатовъ. Ц. 2 р. Гордость города, ком. въ 5 д. Г. Вида. Ц. 2 р. За старый грѣхъ (Подозрительный), пьеса въ 4 д., пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. Золотая свобода, ком. въ 3 д., пер. Громаковскій. Ц. 2 р. Израиль, пьеса въ 3 д. Бернштейна. Ц. 2 р. Клятва гроба, др. въ 4 д. Лисенко-Коньчъ. Ц. 2 р. Король воровъ (Послѣдн. приключ. Шерлока Холмса), пьеса въ 5 д. П. де-Курсель Ц. 2 р. Ничтожная женщина, пьеса въ 4 д. О. Уайльда. Ц. 2 р. Оксана Зозуля, ком. въ 3 д. Федоровича. Ц. 2 р. Обрывъ, др. въ 5 д. по ром. Гончарова. Ц. 2 р. Освобожденные рабы, ком. въ 3 д. Ц. 2 р. Ровно въ полночь, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Очагъ, пьеса въ 3 д. Ок. Мирбо Ц. 2 р. Сторожевые огни, ком. въ 4 д. С. Разумовскаго. Ц. 1 р. Сыскныхъ дѣлъ мастеръ, фарсъ въ 3 д. Горста и Норини. Ц. 2 р. Приключенія Арсена Люпена, пьеса въ 4 д. Ц. 2 р. Поди сюда, ком. въ 3 д. Тестони. Ц. 2 р. Попечитель благородныхъ дѣвицъ, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Поцѣлуй Іуды, пьеса въ 4 д. С. Бѣлой. Ц. 2 р. Фиговый листокъ, фарсъ въ 3 д. Ц. 2 р. Чортъ (Дьяволъ), ком. въ 3 д. Моль нара. Ц. 2 р. Шалости молодоженовъ, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Шестая держава (Газетный мѣръ) пьеса въ 3 д. Ж. Турнера. Ц. 2 р. Шуты, ком. въ 4 д. Замаконса, пер. Lolo. Ц. 1 р. Крошка Дорритъ, ком. въ 3 д. Ор. Шенгана, пер. Э. Э. Матерна. Ц. 60 к. Клубъ самоубійцъ, пьеса въ 2 карт. А. Дюпюльта, пер. Э. Матерна. Ц. 75 к. Семь вороновъ, волш. сказка въ 4 д. съ нѣмецк. М. В. Шевлякова (для утр. спек.). Шалости, ком. шутка въ 4 д. (для дѣтск. утр.

На аккуратность высылки пьесъ обращено особое вниманіе.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

Серг. Мамонтовъ.

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

Африка, Война, Холера, Турція и др.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ

Цѣна 1 р. 50 к.

Печатается сборникъ того-же автора

Пять пьесъ.

Для дѣтскихъ и утреннихъ спектаклей.

ШАЛОСТИ ПАЖА

комедія-шутка въ 4 дѣйств.

(Женскихъ ролей — 3, мужскихъ — 4).

ПОСТАНОВКА ПРОСТАЯ.

Получать можно въ конторѣ „РАМПЫ и ЖИЗНИ“.